

АНТОН
СОЯ

ВИЦХАНТЕРЫ

ИНИЦИАЦИЯ
ВИКИ

Витчхантеры

Антон Соя
Инициация Вики

«Росмэн»

2017

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соя А. В.

Инициация Вики / А. В. Соя — «Росмэн»,
2017 — (Витчхантеры)

ISBN 978-5-353-08171-5

В городе, зыбком, как мираж, на черных-черных ночных улицах творятся ужасы и чудеса: оживают граффити, происходят страшные убийства, свободно разгуливает всевозможная нечисть... а Вики встречает загадочного бледного юношу. Кто он и зачем вошел в ее жизнь? И почему орден Уробороса не следит больше за порядком в Петербурге? И кто стоит за кошмарными преступлениями, которые совершаются в городе? Искать ответы на все эти вопросы выпало Вики, и найти их она должна очень быстро – если не хочет стать следующей жертвой неуловимого преступника.

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08171-5

© Соя А. В., 2017
© Росмэн, 2017

Содержание

От автора	5
Сновидение первое, в котором студенты-медики посещают злачные «Дозари», по Санкт-Петербургу разъезжает черная «скорая помощь», а обескровленные граждане сидят утром на автобусных остановках	6
Сновидение второе, из которого вы узнаете про Леру Зомби и ее невидимую армию и поймете, что художника обидеть может всякий, особенно бойфренд-музыкант	10
История 1, в которой для читателя вновь приоткроет свои страницы тайный дневник Вики Адамсон	15
История 2, про грустный день рождения, капитана Шкатова, охоту на ведьм и большую, нечестную игру	19
История 3 предназначена только для тех, кто не читал первую книгу о злоключениях Вики. Остальные же читатели могут смело ее пропустить, если конечно же не хотят обновить в памяти события, предшествовавшие несостоявшейся коронации Вики	24
История 4, в которой читатели перенесутся в машине времени на два месяца назад и узнают о том, что творилось в башне Вики перед коронацией	26
История 5, про коронацию Вики, в которой терпеливые читатели пройдут карнавальным шествием с семьей Адамсон от улицы Бармалеева до улицы Блохина и наконец попадут в Астралию прямиком через дверь в квартире белого мага и художника Гавриила Тругота, чтобы вдоволь погулять в его волшебной галерее	31
История 6, в которой читатели познакомятся с загадочным юношей Анжелю, потанцуют вместе с Вики на ее первом балу, а также сполна вкусят сказочной несправедливости вместе с Цоем	36
История 7, в которой тайное становится явным, чувства берут верх над разумом, предательство торжествует, а коронация Вики превращается в такой кошмар, что про него и рассказывать-то не хочется, но, к сожалению, придется	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Антон Соя

Инициация Вики

От автора

Я родился в стране, которой больше нет, в городе, которого теперь нет на карте, в род-доме номер тринадцать.

Я родился, вырос и живу в самом мистическом месте на Земле. В темном и сыром городе, где по Невскому проспекту когда-то носился сбежавший от хозяина Нос, а Медный всадник скакал по затопленным улицам; где Раскольников с окровавленным топором заблудился в коридорах будущих коммуналок, а старая графиня до сих пор является питерским игроманам в тревожных снах, зловеще бормоча: «Тройка, семерка, туз».

Я вырос на берегу узкого и мелкого канала Грибоедова, где каждое утро здоровался с золотыми крылатыми львами на скрипучем деревянном Банковском мостике. Я ползал в колготочном детстве по ступеням Казанского собора и согревался снежными зимами дыханием кондиционера у входа в Дом книги. А синими вечерами, я, трехлетний малыш, ежился под одеялом в темной комнатке полуподвальной квартиры во дворе-колодце, мучительно выбирая, чего я боюсь больше – черных рук теней, тянущихся ко мне по стене из-за шкафа, или страшного лица ведьмы, которая обязательно выглянет из моего сна. Поэтому не стоит сильно удивляться тому, что из меня получилось.

Мистика, фантазия, сверхъестественное, называйте эту сторону жизни, как вам больше нравится, – для меня она с детства неотделима от реальности. Я рос, но мое отношение к мистике только укреплялось. Я предпочитаю веру отрицанию и знаю, что в мире, который мы нагло считаем нашим, возможно все. За мою жизнь со мной происходило столько всего необъяснимого, что впору написать десятки книг по мотивам реальных событий. Эта книжка всего лишь одна из них, и я искренне надеюсь, что прототипы героев, узнав себя в них, не станут сильно обижаться на автора. Хотя на всякий случай я подготовил пару-тройку защитных заклинаний.

Сновидение первое, в котором студенты-медики посещают злачные «Дозари», по Санкт-Петербургу разъезжает черная «скорая помощь», а обескровленные граждане сидят утром на автобусных остановках

Вовке Козлову к вечеру стало совсем плохо. Ночная вечеринка в клубе «Дозари», который, как известно, расположился на кораблике, стоящем на приколе у набережной Невы, не прошла даром. Отлежаться не удалось. Сердце пустилось в бешеный пляс. Стены квартиры убегали от взгляда то вниз, то вверх, а титанические попытки остановить их кончались не только резкой болью в голове и глазах, но и рвотными позывами. Такого с ним за его восемнадцать лет еще не случалось. Слава богу, что родители улетели до пятницы в командировку. Как Вова попал утром домой, он совершенно не помнил – к счастью, поскольку верные друзья-первокурсники дотащили его до дома за ноги, как сани, волоча беспмятное тело на спине по заснеженному, а местами и заледенелому асфальту. Повезло ему, что дворники в это утро плохо убрали Петроградку и что тащить его от «Дозарей» до дома было совсем недалеко! Мычащее тело Козлова было загружено заботливыми товарищами в теплую ванну, где ему опять-таки крупно повезло – он не захлебнулся. Вова вообще слыл отчаянно везучим. Но злоупотреблять везением нельзя, это Вова хорошо знал, несмотря на юный возраст. Поэтому, как только он более-менее пришел в себя – лежащим без одежды на диване в гостиной и накрытым с головой простыней заботливыми дружескими руками, – то сразу ощупал раскалывающуюся голову И тут же застонал, обнаружив там кучу шишек и кровоподтеков неизвестной этиологии. Шея тоже саднила, словно ее прокусил гигантский комар. Вова Козлов, между прочим, был будущим врачом и учился со своими друзьями Юрой и Павлом в Первом медицинском институте.

– Сколько сейчас времени? – спросил он невидимых, но вполне себе слышимых друзей, которые сидели рядом с диваном на ковре и отчаянно рубились в «Sony Playstation 4».

– Полшестого, – ответил его лучший друг Паша Сотник, не отрываясь от консоли.

– Утра?

– Вечера.

– Черт, Паша, – тихо простонал Вова, – что-то мне совсем хреново. Помираю я.

– А мы тебе говорили, чтобы ты не жадничал, – отозвался Юра Казанков, еще один юный студент-медик. – Предупреждали, Вован.

– Я серьезно, чуваки, – Вова застонал в голос, – сердце прыгает. Паническая атака, походу И аритмия.

– Так мы тебя сейчас сами вылечим! – обрадовался Павел.

– Нет, только не это. – Вова покрылся холодной испариной, вспомнив, что Паша три раза пересдавал зачет по кардиологии. – Вызывайте «скорую». Или лучше дайте мне телефон, я сам вызову.

Пальцы у Вовы предательски дрожали, когда он набирал номер, картинка плыла перед глазами и издевательски троилась. Ему даже показалось, что, возможно, он набрал «003» или «033», а может быть, даже «000333». Но в любом случае на том конце сразу, практически без гудков, сняли трубку и ответили:

– Неотложная медицинская помощь. Что у вас случилось?

– Сердечный приступ. Головокружение. Тошнота. Мне очень плохо. Владимир Козлов, восемнадцать лет. Кронверкский проспект, пять, квартира десять.

– Ждите. Мы скоро будем.

– Круто, – сказал Юра, внимательно слушавший разговор, – сейчас наши умелые коллеги поставят тебя на ноги. Сделают то, что не получалось у нас все утро.

– Я заметил, что у вас не получилось. – Вова снова застонал, одной рукой схватившись за раскалывающуюся голову, а второй придерживая выпрыгивающее из грудной клетки сердце. – На голове живого места нет.

– Мог бы и спасибо сказать, – обиделся Юра, – сам виноват, что без шапки ходишь, понтуешься. С шапкой никаких шишек бы не осталось.

– А с шеей у меня что?

– Что-что? Известно что. Засос. Прятался от нас по углам с этой рыжей, а теперь еще предьявы друзьям кидает, – обиделся Паша.

– Ничего не помню, – огорчился Вова, – скорей бы они приехали...

– Скоро только сказка сказывается, – «обнадежил» его Паша, – а «скорую помощь» нужно терпеливо ждать часами. Может, тебе пока что-нибудь сердечное у родителей в аптечке поискать?

Но искать ничего не пришлось, потому что раздался пронзительный звонок домофона, от которого вся троица удалых гуляк схватилась за больные головы. Юра пошел открывать дверь. Высокий молодой врач с чемоданчиком, а с ним такая же молодая медсестра и огромный, но тоже молодой санитар со складными носилками под мышкой стремительно вошли, даже можно сказать, ворвались в квартиру, отодвинув в сторону не успевшего ничего сказать Юру. Выглядела бригада до неприличия странно, но в то же время на редкость стильно. Во всяком случае, до сих пор никому из студентов такой формы у «скорой помощи» видеть не приходилось. На всех троих были халаты, шапочки и маски. Эка невидаль, скажете вы. Да, конечно, только вот были они черного цвета. И пошиты из первоклассного атласа. И подбиты красным бархатом. А еще на шапочках и масках были красные атласные кресты.

Осмотрев больного, измерив Вова давление (и даже заглянув ему в рот), врач велел медсестре сделать ему укол глюкозы с физраствором в вену и попросил рассказать друзей, как это молодой человек дошел до такого состояния. Лица врача, сестры и санитаря из-за масок разглядеть было очень сложно. Поэтому Паше, пока он рассказывал о вчерашних подвигах Вовы в «Дозарях», все время казалось, что под масками прятались ехидные улыбки.

– Значит, все это вы употребляли вместе? – без всякой издевки приятным голосом переспросил врач, меряя пульс Вовы.

– Ага, – подтвердил Юра.

– Отличный коктейльчик. – Врач быстро переглянулся с сестричкой и санитаром, и Юре показалось, что глаза их азартно заблестели. – Значит, потребляли вместе, а плохо стало только товарищу?

– Ну, понимаете, коллега, тут тонкий вопрос, – вкрадчиво объяснил Юра, – пару раз Вова удалялся без нас в туалет с подозрительной компанией. Возможно, мы за ним не уследили.

– Так-так-так! А вот это уже очень грустно. А еще будущие медики. Стыд и срам, коллеги! – Врач осуждающе посмотрел на Юру с Пашей. – Нельзя же так глупо и безответственно портить молодую кровь! Ваша кровь – наше достояние!

Лица студентов обиженно вытянулись.

Врач кивнул гиганту-санитару, и тот немедленно стал раскладывать на полу зеленые брезентовые носилки.

– А для вас, Козлов, у нас плохие новости. Будем вас госпитализировать! Дорога каждая секунда, – безапелляционно сказал врач.

Вова тревожно застонал.

– Да ладно, – удивился Паша, – ну, перебрал чувак. С кем не бывает. Поставьте ему капельницу, и дело с концом.

– Нет, – жестко сказал врач, – только не сегодня, коллеги. Видите наши маски? В городе свирепствует новый вирус. Возможна эпидемия. Симптомы сходны с симптоматикой вашего друга: сердечная недостаточность, головная боль, тошнота и сыпь на слизистой ротовой полости. А самое главное – у нас сегодня уже трое посетителей «Дозарей» в эпидемиологической реанимации. Так что вы тоже в зоне риска, ребята. И вам придется проехаться с нами. Надеюсь, вы не попадете в карантин. Возьмем кровь и отпустим. Собирайте друга. Одевайтесь и помогите нам нести носилки.

Такого поворота Юра с Пашей никак не ожидали, но послушно стали собираться в путь с одной и той же мыслью: «Проклятые «Дозари», только бы не вирус!»

Через пять минут они уже сидели в машине странной бригады рядом с носилками, на которых беспрестанно стонал Вова Козлов. Машина тоже была под стать бригаде: черный с красными крестами микроавтобус «Мерседес», переоборудованный под «скорую помощь» с большой синеглазой мигалкой.

– Куда едем? – настороженно спросил Юра, когда они переехали мост.

– В Боткина, – впервые подала голос медсестра. Голос у нее оказался неожиданно низким.

– Разве она не закрыта? – удивился Паша.

– Не для всех, – ответил тяжелым басом санитар.

– Ребята, наденьте это, пожалуйста, – попросила медсестра, передав студентам-медикам толстые черно-красные повязки, точно такие же, как у нее, и повязывая повязку страдающему Вове. – И будет вам счастье.

Повязки оказались толстыми и влажными, словно чем-то пропитанными. Через пару вдохов студентам стало очень хорошо, и они окончательно потеряли чувство реальности. Вечерний город светился в темноте предновогодней лампочной развеской, которая превратилась в глазах Юры и Паши в сплошную полосу света, по которой они летели навстречу сказочному счастью. Скрипели ворота в темноте, слетали с голых деревьев испуганные разбуженные вороны, трясся на колдобинах развороченной тракторами дороги черный «Мерседес», загорался молочный свет тысячи свечей в пустом заброшенном корпусе старинной инфекционной больницы, переехавшей год назад в спальный район, а в глазах незадачливых студентов крутилась веселая разноцветная круговерть. Они прекрасно себя чувствовали. Им казалось, что все происходящее вокруг идеально. Именно так все и должно быть.

Павел с Юрой радостно вылезли из машины и вошли вслед за бригадой в полутемное холодное здание. Носилки не понадобились, потому что затихшего, переставшего стонать Козлова санитар закинул себе на плечо. Пройдя по темному коридору, они завернули в кабинет бывшей операционной, посреди которой стоял стол, накрытый белой простыней и уставленный горящими свечами. Их ждали. Около двадцати силуэтов отделились от темноты стен, и комната наполнилась тенями и их голосами.

– Наконец-то!

– Вас только за смертью посылать!

– Чего так долго? Мы уже чуть с голоду не померли.

Высокий врач картинно развел руками:

– Знакомьтесь. Наши коллеги-медики. Молодая кровь, так сказать. Юра и Паша, два вкуснейших компота. А это проблема по имени Вова. Он новоиспеченный обращенный!

Санитар положил спящего Вову на пол, а Юра и Паша, ничего не понимая, вышли на свет свечей и, радостно улыбаясь, закивали уставившимся на них теням. Все вокруг казалось им веселой вечеринкой, в голове взрывался праздничный салют и играла музыка, у каждого своя, но очень кайфовая.

– Довольно клоунады! Пора готовить ужин. Зачем вы обратили этого типа? Нас и так уже слишком много! – зашумели тени.

– Это не мы, – возразила медсестра, – а «рыжая незнакомка» прошлой ночью на корабле «Дозари». Сколько раз говорить, что нужно инфицировать добычу, не обращая ее? Для кого были курсы, спрашивается? Лина, золотце, у тебя последнее предупреждение. Еще один прокол, и я сама вгону золотую иглу в твое бархатное сердечко.

– И что нам теперь с ним делать? Мы ведь должны принять его в семью.

– Или выпить?

– Даже и не думайте, – строго сказала медсестра, – в нем полно вредных неизвестных веществ.

– Ладно, решим после ужина, – сказал «врач». – Дэн, Ли, Настя, сегодня вы готовите ужин. И чтобы ни одной капли не пропало.

Три тени оторвались от стаи, подошли к Юре с Павлом, подхватили их своими прохладными руками и вывели из операционной в темноту коридора.

Вова Козлов очнулся от страшного холода и жуткой жажды. Сердце успокоилось и даже слегка замедлило свой обычный ритм. Глаза тоже не резало. «Скорая» помогла, подумал Вова еще до того, как открыть глаза. Свет полной луны отсвечивал от мягкого снега, застилавшего черную ночную кровать спящего Староневского проспекта. Вова сидел на автобусной остановке в спортивном костюме и тапочках – в том, что напялили на него, впопыхах собирая в больницу, верные друзья. Они тоже сидели рядом с ним – одесную и ошуюю, справа и слева от него, странно скрючившись, – наклонившись к подтянутым вверх коленям и сжав головы в окоченевших ладонях. Оба были совершенно голые, синюшного цвета, как перемороженные курицы. Вова вскочил на ноги и закричал дико, истошно, неистово, стараясь криком прогнать ночной кошмар. Мертвые Юра и Паша, оставшись без опоры, повалились замерзшими боками друг на друга. А Вова, не переставая дико кричать, побежал по Староневскому проспекту в сторону родной Петроградской стороны. Все-таки он был необыкновенно везучим парнем этот Вова Козлов.

Сновидение второе, из которого вы узнаете про Леру Зомби и ее невидимую армию и поймете, что художника обидеть может всякий, особенно бойфренд-музыкант

Сегодняшний день Леры не задался с самого начала. Не с утра, потому что все утро Лера проспала. Да и как не проспать эти зимние питерские, так называемые утра, которые отличаются от ночи только простуженно ворчащими машинами и насекомыми-людьми, ползающими по полутемным, слабоосвещенным улицам. Так, во всяком случае, казалось Лере, когда ей приходилось вставать раньше часа дня.

Даже вид из окон на Таврический парк в ранние утренние часы не радовал Леру. Но сегодня она встала вместе с поздним солнцем. Можно было бы спать и дальше, но на нее забралась русская голубая кошка по имени Кошка и стала всеми четырьмя лапами мять ей живот, урча при этом, как маленькая трансформаторная будка. Бесцеремонное животное вовсе не собиралось доставить ей удовольствие этим массажем. Кошка хотела есть, и ей было наплевать, что Лера легла только в шесть утра, так и не закончив рисовать афишу для рок-фестиваля в Хельсинки. «Хелл-син-ки» – «Ключ от адского греха», как называл чухонскую столицу ее приятель Алекс. Да-да, все именно так. Скажи Лере кто-нибудь еще год назад, что европейские фестивали будут у нее заказывать свои афиши, а ее работы будут висеть в лофтах голливудских звезд, она бы решила, что над ней изощренно издеваются.

Год назад Лера Быстрова была семнадцатилетней хулиганкой в маленьком провинциальном городе, где на таких синеволосых любителей панк-рока, как она, была открыта круглогодичная охота для всех желающих. А желающих хватало: менты, скинхеды и просто гопники не давали ей с друзьями прохода. Зато в ее южном городке ночи были как ночи. Светлело рано, и перед рассветом, пока враги спали, Лера и ее сообщники успевали украсить унылые стены городка своими шедеврами из пульверизаторов с краской.

Три года подряд младшеклассницу Леру в районном ДПШ учили рисовать натюрморты, пейзажи и портреты, но ей всегда нравились только зомби. Всю жизнь, сколько она себя помнит, Лера рисовала только этих несчастных монстров. Учителя вызывали в школу родителей и демонстрировали им расписанные парты и туалеты, а те смущенно пожимали плечами: вся их квартира давно стала пещерой зомби, где на стенах не было живого места без изображения этих нелепых созданий постголливудского сознания. Зомби у Леры с каждым годом выходили все лучше и лучше, то есть становились все отвратительней, нелепей и натуралистичней. Но в то же время они стали вызывать у созерцателей сопереживание и добрую улыбку. Ходячие полуразложившиеся трупы приобрели яркие индивидуальные черты. Они теперь не просто пожирали несчастных зазевавшихся прохожих во время Апокалипсиса, а зажили полноценной жизнью: влюблялись, встречались, создавали семьи, рожали зомбят, играли в футбол и в рок-группах и даже учились в зомби-школах у зомби-учителей. Невозможно было не посочувствовать этим милашкам. К тому же они были просто гениально нарисованы.

Но Лера тогда об этом не подозревала. За свои художества она получала только по шапке и каждый раз радовалась, что не ломом. Лера в свои семнадцать любила две вещи: зомби и панк-рок. Плеер, наушники и баллончики с краской – это был ее мир, а остальное просто мешало ей им наслаждаться. Пока не появился Сид, такой же, как она, синеволосый марсианин, бог стрит-арта и гитарист местной группы «Ветер Аны». Их миры идеально совпали. Почти идеально. Потому что в его мире жил хищник, который ел Сиду изнутри, но

которого Сид любил больше, чем Леру. У хищника было имя. Его звали Герыч. Лера боролась с Герычем, но силы были неравны. Однажды хищник загрыз Сиду насмерть. Его гениальные работы, сфотографированные случайными прохожими до того, как их закрашивали доблестные коммунальные службы, до сих пор вызывают восхищение у юзеров всего мира. Эти фотографии в Сети – все, что осталось от ее Сиды.

Лера снова осталась одна в своем мире. Но без Сиды он уже не радовал ее. Она сама стала зомби. Живым мертвецом без эмоций и чувств. Выбросила плеер и наушники. Перестала рисовать. Почернела от горя. Спала, спала, спала и иногда через силу ела. Ей постоянно снился Сид, они занимались любовью, и Лере совершенно не хотелось просыпаться. Родители страшно испугались. Они на все свои сбережения купили Лере тур в ее любимый Лондон. Спящая наяву зомби-Лера улетела с группой туристов в Лондон. Обратная группа вернулась без нее. В Лондоне, городе ее мечтаний, Лера проснулась, и к ней снова вернулся ее мир – зомби плюс панк-рок и с ним, бонусом, острое желание жить. Она прекрасно вписывалась в этот странный город, куда, казалось, съехались жить фрики со всех сторон света. Здесь никого не удивляла ее синяя шевелюра. Здесь вообще никого ничего не удивляло и не ломало. Языка Лера не знала, и это ее вполне устраивало. Она позвонила родителям и сказала, что решила никогда не возвращаться в город, где нельзя рисовать зомби на стенах и где больше нет Сиды, но по-прежнему живет припеваючи убивший его хищник.

Лера познакомилась с художниками в районе Шордич, отданном городом уличным художникам всего мира под разгул стрит-арта, и стала жить с ними в сквоте. Целыми днями она покрывала стены Шордича своими рисованными поэмами из жизни зомби, и с каждым днем росла ее слава и армия поклонников. Сиды в ее снах совершенно не устроили перемены, произошедшие с Лерой. Сны становились все ужасней. Теперь Сид приходил к ней вместе со зверем и требовал, чтобы она отказалась от своей новой жизни, вернулась в их город и была только с ними. Навязчивые сны с Сидом стали кошмаром Леры. Она старалась спать как можно меньше. Ложилась под утро, пытаясь обмануть Сиды.

Чтобы жить, ей пришлось писать картины на мешковине и продавать их на утренних барахолках рынка в Кэмдене. Однажды ее картину «Зомби и сын» купил за пару фунтов нью-йоркский галерист, после чего жизнь Леры поменялась навсегда.

Мало того что ушлый галерист продал ее картину на интернет-аукционе за десять тысяч долларов, так на него еще тут же обрушился шквал заказов. Все хотели купить картины с забавными зомби, а галерист даже не знал, как зовут главного художника открытого им «зомби-арта». Ему снова пришлось лететь в Лондон и разыскивать там Леру. Нашел он ее, естественно, в Шордиче за процессом расписывания очередной стены. С тех пор одна модная галерея на Манхэттене под железнодорожным мостом в районе парка Хайлайн целиком переключилась только на продажу работ Леры. Девушка с синими волосами в одночасье стала звездой мирового арт-сообщества, и на свои гонорары легко смогла купить квартиру в Питере, который она тоже любила с детства, потому что из доступных мест он больше всего был похож на Лондон. На сам Лондон денег ей катастрофически не хватало. Квартиры там стоили баснословно дорого, и Лере, чтобы купить их, нужно было еще лет пять рисовать своих зомби. Но она не сильно переживала по этому поводу, тем более что из Англии ее выслали за просрочку визы и в ближайшие пять лет попасть в Лондон ей не светило. Зато она регулярно летала в Нью-Йорк и Лос-Анджелес на свои выставки.

А жила Лера теперь на улице Таврической, в мансарде исторической башни в бывшей квартире поэта-мистика Серебряного века Вячеслава Иванова, даже не задумываясь, какую энергетику несут эти стены, на литературных средах в кружке символистов слышавшие и видевшие, пожалуй, всех звезд русского декаданса. Какие страсти здесь, в Ивановской башне, кипели в начале двадцатого века, какие перформансы разыгрывались, какие любовные интриги плелись, какая магия творилась! Но, к сожалению, фамилии Брюсов,

Бальмонт, Городецкий, Сабашникова, Мережковский, Гиппиус были для Леры и ее знакомых пустым звуком из далекого прошлого. И даже слово «Блок» вызывало у них в первую очередь устойчивые ассоциации с сигаретами и агрессорами из НАТО и только потом с великой поэзией. Сейчас же стены повидавшей виды квартиры были разрисованы картинками из «веселой» жизни неунывающих зомби. Кстати, прописываясь в Ивановской башне, родоначальница зомби-арта поменяла свою звонкую русскую фамилию на Зомби. Лера Быстрова стала Лерой Зомби по паспорту! Пазл сложился, жизнь удалась! Ведь о том, чтобы жить в свое удовольствие и ни в чем не нуждаться, занимаясь при этом исключительно любимым творчеством, большинству людей приходится только мечтать. А у Леры все получилось. Вот только заснуть раньше пяти утра синеволосой Зомби по-прежнему не удавалось, ей снова и снова снился Сид, ее душили слезы. И так каждую ночь. Лера до утра писала свои картины, пока не падала замертво на кровать, чтобы заснуть мертвым сном без Сиды.

Даже любовь Алекса, красавца-вокалиста из группы «ПсиХоз», не смогла разлучить их души и защитить ее сны. Вот и сегодня перед пробуждением Сид заглянул Лере под веки своими печальными мертвыми глазами с огромными зрачками, которые, как черные дыры, моментально высасывали из девушки всю ее жизненную энергию. Худшее из всех возможных пробуждений. Конечно же, бедной кошке Кошке досталось за то, что попала под горячую руку. Чертово прошлое не отпускало респектабельную Леру. Хотя ничего, кроме синих волос, ее с ним уже не связывало. Ничего, кроме волос и зомби. Но зомби – это навсегда. Они ее единственные друзья, которые никогда не бросят ее, как Сид, и не предадут, как Алекс. Этот павиан сейчас, как обычно, на гастролях. И Лера просто уверена, что вчера, после концерта в очередном Попинске, десятки смазливых наглых малолеток, как всегда, выложили в инстаграме кучу пошлейших селфи с ним. К бабке не ходи – навывкладывали, фолловерши поганые!

Еще не продрав как следует глаза и не дойдя до ванны, Лера Зомби традиционно заглянула в инстаграм Алекса.

– Чтоб ты сдох, Алекс! – Бедная Кошка, теперь попавшаяся под ногу, истошно мяуча, перелетела коридор. – Ну это уж слишком! Не-на-ви-жу!

Многочисленные зомби, бесконечной толпой идущие вдоль коридора вместе с Лерой, то ли сочувственно, то ли издевательски скалили безгубые рты.

– Алекс, да ты совсем охренел! – через пару секунд кричала Лера Зомби в лицо бездушному айфону, сидя на краю огромной ванны. – Ты понимаешь, что мне больно смотреть, как ты лапаешь этих девиц! А что это за рыжее чучело, с которым ты целуешься взасос? Что? Вдохновение? Творческая личность? Свобода? Может, мне тебе еще и презервативы в сумку на гастроли укладывать? Ты понимаешь, что эти фотки видят все наши друзья? Тебе просто плевать на меня! Что? Это мне-то никого, кроме моих зомби, не надо?

На секунду Лера задохнулась от злобы.

– Знаешь что, Алекс, гут нормалекс? Да пошел бы ты... Нет! Это я тебя посылаю! Нет! Это я!

Айфон с треском врезался в стену ванной комнаты, попав прямиком в пробитый голый череп несчастной девочки-зомби. Что ж, это символично! Выбросив в мусорное ведро зубную щетку и тапки Алекса, Лера добралась до его любимых футболок и с наслаждением раскромсала их портновскими ножницами на мелкие кусочки. Потом она схватила с кухонного стола длинный зазубренный хлебный нож и изрезала стоящую на мольберте последнюю картину – портрет Алекса, наполовину зомби, изъеденного червями.

– Он сказал, что мне место с моими зомби! – хрипела Лера. – Он сказал, что я не умею общаться с нормальными живыми людьми! Гад! Гад! Гад!

С Сидом они ни разу не поругались за полгода их любви, с Алексом грызлись через день. И вообще ей было ужасно неуютно в этом темном, промозглом, влажном псевдо-Лон-

доне, гордо называющем себя Петербургом. Даже друзей за полгода не появилось. Одни тусовщики, хипстеры и прихлебатели. А сколько трудов ей стоило найти квартиру в центре с видом на более-менее приличный сад. В Лондоне таких садов, как Таврический, – сотни! А таких музыкантов, как Алекс, в каждой песочнице – горка! Нет – кучка! Куча вонючих Алексов!

Лера схватила чистый холст, краски и быстро начала писать новую картину. На ней отразилась вся ее ненависть к подлому предателю с пухлыми губами. Прямо на концертную сцену, где Алекс, как всегда, выпендривался с микрофонной стойкой, лезли разъяренные зомби. Ее армия! Ее мстители! Гитарист и басист уже лежали на сцене в лужах крови, с проломленными собственными гитарами черепами. Клавишника доедали голодные девицы, положив его мертвое тело на подставку для клавиш. Барабанщику воткнули палочки в глаза и отгрызали пальцы, а Алекса, с поднятой стойкой и такими же поднятыми от ужаса вверх волосами, Лера решила оставить на сладкое. Надо придумать, что бы такое с ним сделать, чтобы ему было так же больно, как ей. Вроде ее понемножку отпускало. Лера покормила кошку и задумалась. На улице уже опять было темно. Долбанные петербургские зимние дни-коротышки – только встал, а уже вечер! Зажглись фонари и подсветили сказочный крупный снег. Он медленно кружился за окнами, словно снежинки танцевали вальс под музыку, слышную только им.

– Может, я и правда не умею общаться ни с кем, кроме зомби? Может, мне действительно нужно завести друзей-зомби? Парня-зомби? Отличная идея! – засмеялась в голос Лера, заваривая кофе. – А потом завалюсь с друзьями-зомби к Алексу на юбилейный концерт третьего января и устрою ему зомби-апокалипсис! Здорово было бы тогда взглянуть на его физиономию. Хочу уметь оживлять своих зомби! – громко сказала Лера и задула оставшийся с ночи на кухонном столе огарок свечи. Сказала и испуганно прислушалась, потому что ей показалось, что старая Ивановская башня утвердительно проскрипела ей в ответ деревянными балками с металлическим сердечником.

«Оживить, оживить, этот мертвый, анемичный город нужно оживить, – радовалась свежей мысли Лера, – сонный Питер нужно расшевелить. Ему явно не хватает моих зомби на серых стенах. И как это я раньше не догадалась!»

Действительно, Лера еще ни разу не баловалась стрит-артом в Петербурге. Некогда было. Море заказов. Подготовка выставок. Печать принтов и календарей. Алекс. Чертов Алекс сожрал кучу ее времени! «Да пошло оно все, – думала Лера. – Сегодня я в темных подворотнях нарисую армию зомби. Мою армию. И еще я нарисую Сид, пусть будет предводителем моей армии. Может, тогда он успокоится и перестанет мне сниться?»

Лера оделась, не забыв про черную шерстяную балаклаву, набила сумку баллончиками с краской и отправилась анимировать питерские подворотни своими зомби. Давно у нее не было такого прилива сил и вдохновения. В этот вечер на стене подворотни дома рядом с Таврическим садом появилось двенадцать злобных голодных зомби в полный рост и один очень красивый, почти не тронутый тлением мертвец по имени Сид. Довольная собой и предновогодним украшением города, уставшая и замерзшая Лера вернулась домой и впервые за полгода в Питере моментально заснула, едва добравшись до кровати. У зомби в ее комнате от удивления отвисли гнилые челюсти. Кошка Кошка, набравшись наглости, осторожно залезла к Лере в кровать и уснула у нее в ногах.

Наутро ни одного из нарисованных Лерой накануне зомби на стене уже не было. Всю ночь падал пушистый снег и полностью занес следы всех настоящих и волшебных существ. До Нового года оставалось десять тяжелых зимних предпраздничных дней. Тяжелых, но очень коротких. А сегодня наступил самый короткий день в году – двадцать второе декабря. Синеволосая девушка Лера Зомби тихо спала в своей башне на углу Таврической и Тверской. Она ничего не ведала о том, что в это время в другой старой башне, на улице Бармалева,

что на Петроградской стороне, болеющая гриппом синеглазая черноволосая девушка Вики, валяясь в постели, впервые за последние два месяца взяла в руки свой секретный дневник.

История 1, в которой для читателя вновь приоткроет свои страницы тайный дневник Вики Адамсон

Ведьмы, оказывается, тоже болеют гриппом. Вирусу наплевать, кто ты, он не ведает различий между обычными людьми и ведьмами, поэтому я третий день валяюсь дома. Температура наконец-то спала, и я созрела, чтобы сделать какие-то осмысленные записи. Два последних месяца я ничего не писала, потому что это были самые пустые месяцы в моей жизни. Я не жила, а влачила жалкое, бессмысленное существование. Представьте себе, что вы – Золушка, которую прекрасный принц отыскал по хрустальной туфельке. Вы приходите во дворец, посылаете принца на фиг, разбиваете хрустальный башмачок о его лоб, отказываетесь от свадьбы и королевства, возвращаетесь домой к злобной мачехе и несчастному отцу, садитесь в кучу золы у печки и, изрядно посыпав золой голову, думаете: «Что я сотворила со своей жизнью?»

Примерно так все и было. Только хуже. Я не только сама себе оборвала волшебные крылья, я еще и дражайших родителей оставила без любимого занятия и целый колдовской орден почти загубила. Пятьдесят семей волшебников, стоявших на страже добра в Питере, разом остались не у дел из-за моего отвратительного, непредсказуемого поведения и вздорного характера. В том числе семьи моих верных друзей – Цоя и Вани. Конечно же они во всем винят меня. Даже про Карму все забыли. Она на моем фоне теперь белая ворона.

Теперь мы с Ваней и Цоем общаемся только в школе. Если это можно назвать общением. Цой ушел в себя. Он и раньше был молчуном, но хотя бы постоянно цитировал песни «Кино» к месту и не к месту. Это раздражало, но было забавно, а иногда очень веселило меня. Теперь же это молчащая гора мускулов с вечной саркастической усмешкой на лице. Я знаю, Олег, знаю, что я очень виновата перед тобой. Я дала тебе надежду, а потом отняла. Но с другой стороны, я же не просила тебя влюбляться в меня. Мы были лучшими друзьями. Друзьями! И я отдала тебе свою вторую жизнь – как другу. Между прочим, ни на секунду не задумываясь. И что, теперь ты всю жизнь будешь на меня дуться? Даже не смешно. Это здесь, на бумаге, я такая смелая. А в глаза Цою я ничего сказать не могу. И очень страдаю от этого, потому что мне очень не хватает нашего (прежнего?) общения. Но я уверена, что мы выберемся из этого болота. Цой поймет, как он мне нужен и дорог, и простит меня. Между прочим, я знаю, что они с Ваней поклялись не донимать меня своей любовью до окончания школы. Руки даже резали. Клялись на крови. А для колдунов это священная клятва. Но я никогда не буду этим спекулировать. Тем более что когда Ваня с Цоем клялись, они даже представить себе не могли, что их обычные на первый взгляд семьи входят в могущественный витчхантерский орден Уробороса. А я его будущая Королева. А на практике – Недокоролева.

Ваня тоже со мной почти не общается. Правда, по другой причине. Ваня весь в любви. То, что он теперь не просто Иван Гамелянский, а самый настоящий герой-крысолов, утопивший в Неве многотысячную армию серых воинов, придало ему сил и самомнения. И он тут же закрутил бешеный романище с одной из спасенных нами девушек. Помните скейтершу Катю с красными дредами? Теперь все его мысли только о ней. Она поселилась в его айфоне, в его голове и сердце. Он стал еще глупее шутить и всячески избегает общения со мной. Ну да, конечно, о чем ему говорить с лучшей подругой, с которой он десять лет делился самым сокровенным и благодаря которой испытал самое крутое приключение в своей жизни? А кто Катю твою расколдовал, Ваня, ты не забыл? Я не ревную. Мне просто обидно. Безусловно, я виновата. Я лишила своих друзей жизни, полной приключений, в которой они каждый день

могли бы реализовать свои внезапно открывшиеся суперсилы. Представьте, у Вани чуть не забрали его дудку! Это было так унижительно. Но все-таки прошло уже два месяца. Можно уже и простить маленькую глупую ведьму. Скоро Новый год, и я ужасно хочу его встретить с Ваней и Цоем.

Про нашу войнушку с крысами и Терттой я могу поговорить только со стариной Филом. Он, наверное, единственный из участников тех славных событий, кто ни в чем меня не обвиняет. Он по-прежнему уверен, что Уроборос возродится и я стану его королевой. Наверное, это потому, что филину почти тысяча лет. Он видел взлеты и падения ордена и пережил уже не один десяток его королев. Возможно, среди них были штучки еще круче, чем я.

Как бы там ни было, Фил и бабушка Люба – единственные, кто искренне поддерживал меня эти два месяца. Папа и Ма-Маша не в счет. Хотя мы и простили друг друга, отношения наши потеряли былую легкость и радость. Родители сказали, что, раз им запретили защищать город, они сосредоточатся на научной работе. Папа обложился дома книгами и вечерами почти не общался со мной, днем пропадая на своих работах: в дурке на Пряжке и на психфаке Первого меда. А Ма-Маша вдруг так стала уставать на работе от психологической помощи жертвам лжеколдунов, что сил на бывшее дружеское общение с падчерицей у нее совсем не осталось. Скорее всего, они просто меня боятся. Я часто ловлю краем глаза их напряженные взгляды и понимаю, что они вполне обоснованны, учитывая то, что я с ними провернула в течение нескольких безумных октябрьских дней. Сначала заставила их побыть в клетках в шкурах несчастных беззащитных зверюшек, а потом, как минимум, на год лишила их витчхантерского ордена, которым они блестяще управляли десять лет, верой и правдой служа добру. Так что они вправе ждать от меня еще каких-нибудь «веселых» сюрпризов. А учитывая мое в высшей степени неприятное знакомство с биологической матерью, я тоже готова ко всяким фокусам от своих змеиных генов. Как говорится, от осинки не родятся апельсинки.

Ну и я на них тоже до сих пор обижена. Пробежала между мной и родителями кошка, и не какая-то абстрактно-поговорочная, а моя любимая одноглазая Матильда, «раба любви». Если бы родители не позволили Герте проводить надо мной свои чудовищные эксперименты, Матильда была бы жива, а не погибла бы от укусов моих сестер-гадюк, спасая отвратительного крысюка. Я каждую субботу езжу к ней на могилу, привожу ей рыбку... А однажды сорвалась среди ночи, села на новый пылесос и полетела поплакать к ней на кладбище. Просто ужасно захотелось, и все. Мы часто летаем по ночам с бабой Любой и Филом. Бабушка, как единственный член нашей семьи, которому Совет Верховных колдунов разрешил колдовать, делает нас невидимыми, и мы рассекаем холодный зимний питерский воздух над центром. Сверху все ужасно красивое: и Исаакий, и Казань, и Катькин сад, но моя фаворитка – это Новая Голландия. Вот ведь воистину колдовское место. Но чаще всего мы летим в Петропавловку и рассказываем там с Филом бабе Любе, как все это было, каждый раз вспоминая новые подробности. Особенно бабе Любе нравится слушать про драку сфинксов.

В общем, как видите, я все еще полностью живу событиями двухмесячной давности. А больше и писать-то не о чем. Не про школу же писать, в самом деле! Про то, как Михайлов и Лавров на пару недель после своего триумфального возвращения стали самыми популярными личностями в школе? Их даже таскали на всякие ток-шоу в ящике и один раз дали прочитать свой рэпак. Но так как они ничего не помнили (потому что Шкатов как следует промыл им мозги, а существование в кукольном облике вообще напрочь отсутствовало в их памяти) и ничего интересного рассказать не могли, то скоро про них, секту и магазин «Живые куклы», перемещавшийся по городу, все быстро забыли.

Или рассказать вам про дружную подготовку к ЕГЭ? Вот тоже достойная тема. Одноклассников моих как подменили. Все стали такие серьезные, говорят только о поступле-

нии, делятся полезной информацией. Мне с ними страшно скучно. Ну вот куда, по-вашему, должна собираться поступать юная ведьма, ведущая род от Василиска и праматери Гадюки: в университет белой магии или в академию темных искусств? Что я вообще делаю в этой школе? Раньше, когда я считала себя нормальным человеком, я ходила в школу, потому что так было надо, а еще потому, что там были мои друзья Ваня и Цой, и, конечно же, Федди. Федди! Я даже не представляла, что смогу его так быстро разлюбить. Неужели я такая ветреная, такая легкомысленная? Ведь я любила его с пятого класса. Ревела ночами в подушку, что он меня не замечает. А теперь мне совершенно все равно, есть он в классе или нет. Я не слушаю его новые песни в «ВКонтакте», не сплю с его куклой и со стыдом вспоминаю украденный поцелуй. А ведь тогда мне казалось, что это высочайшая из наград Вселенной и большего чуда со мной не произойдет. Сейчас у меня из головы не идет Анжело.

Имя-то какое дурацкое! Только в Австралии и могло такое случиться. Сходила, называется, на коронацию на пару часов. Даже не знаю, нормально ли это – влюбиться в человека, которого я совсем не знаю. Да и человек ли он, это тоже большой вопрос! Один танец. Один разговор. И теперь он мне снится каждую ночь. А Федди мне стал совершенно неинтересен и не нужен. Может, я вообще этого Анжело больше никогда не увижу! Почему же я тогда краснею каждый раз, когда думаю о нем, словно совершаю или собираюсь совершить что-то стыдное? А мне даже поговорить об этом не с кем. Раньше я могла все что угодно обсудить с Ма-Машей, а теперь нет. Баба Люба подходит для разговоров про колдовство, Австралию, ведьминский этикет, но точно не про мальчиков. К тому же сегодня утром она улетела в Италию к своему мужу Марио, чтобы вместе с ним встретить католическое Рождество. Ведьма и Рождество в моей маленькой больной голове как-то не сильно уживаются, о чем я и посетовала, после чего у нас с бабушкой случился прелюбопытный разговор, который я попробую воспроизвести.

– Вики! Во-первых, Марио даже и не подозревает, с кем он живет. Ты же знаешь, я очень спокойная и редко выхожу из себя, так что моя змеиная сущность известна только тем, кому необходимо об этом знать. Во-вторых, у нас в ордене свобода вероисповедания. Нет разницы, кому ты молишься, когда ты вместе с нами служишь добру.

– Но ведь орден Уробороса изначально принадлежал клану болотных ведьм, жриц праматери Гадюки. Ты же сама рассказывала, ба.

– Да. Это так. Но наш древний клан никогда не воевал с новыми верованиями. Если они начинали воевать с нами, мы находили себе новое болото. Религия – это то, что всех объединяет, так всегда считали мудрые змеи. Она может объединять разные верования ради благой цели.

– Разные верования, но не любые культы. Ведь поклонение змеям приравнивалось к культу Сатаны в Средние века. И все эти ваши жертвоприношения меня тоже отпугивают, ба.

– Чушь. Праматерь Гадюка жалила только тогда, когда ей наступали на хвост. Никаких невинных жертв она не требовала. Все древние культы преследовались новыми монотеистическими верованиями. Но это не значит, что все они были плохими. Мы веками жертвуем собой, служа в Уроборосе и людям, и колдунам, и Древним – могущественным нечеловеческим расам, – помогая сохранять равновесие в этом мире. Я больше не хочу слышать от тебя эту суеверную ересь! Да, я – жрица Гадюки, которая, в отличие от твоей матери, никогда не злоупотребляла возможностью оборачиваться змеей. Моя дочь и твой отец – атеисты, они верят в науку, и колдовство для них всего лишь одна из наук. Они готовы всему найти материалистическую подоплеку, даже Древним и создателям миров – Первородным. Это их тяжелый путь, но я не противлюсь ему. Родители Олега Хвана, твоего стража Цоя – буддисты, а родители Вани – воцерковленные православные, а все вместе мы – орден Уробороса. И не надо так вздыхать, Вики! Ты ни в чем не виновата и все сделала правильно! Я горжусь тобой, а с орденом все будет нормально. За тысячу лет он переживал и не такие перипетии,

но всегда возрождался и становился еще сильнее. Так вот, возвращаясь к теме вероисповеданий. Ты же прекрасно помнишь, что видела в глазах большинства прохожих?

Вопрос был риторический. О да. Конечно, я помнила. Это же была моя любимая забава, пока я не узнала, кто я на самом деле. Стоять на оживленной улице и пялиться людям в глаза.

– В большинстве случаев ты видела нечисть. Но нечисть, которая, слава Гадюке, даже не подозревала об этом. И значит, могла быть как атеистичной, так и истово верующей. Все эти кухонные ведьмы, энергетические вампиры и оборотни в погонах. Понимаешь, к чему я клоню? Неважно, какому богу ты молишься, – важно, о чем просишь, что из себя представляешь и как живешь. Мы в ордене знаем, кто мы, чему мы призваны служить, и стараемся соответствовать своему призванию. Наши славные времена уже близко. Полгода наказания промчатся быстро. А мне пора мчаться в аэропорт. Честно скажу, я ужасно соскучилась по Марио, но зимой в Амальфи тоска смертная. И еще эти штормы. Они меня просто бесят. Морская стихия, стихия Первородных, не подвластна никаким нашим заклинаниям. Зато мы живем прямо над расщелиной, где есть прямой выход в Австралию. Так что если соскучишься, милости просим.

– Ба, ты издеваешься? Ты же знаешь, что мне на год запрещен вход в Австралию.

– Уже на десять месяцев, Вики. И поверь моему нюху, я чувую, что срок наказания скоро может значительно сократиться.

– Как это?

– Увидишь. Все. Давай обниматься, целоваться. Я гриппа не боюсь, уже переболела. А когда я вернусь через две недели, ты должна быть бодрая и здоровенькая.

– Значит, тебя и на Новом году не будет?

– Детка! Новый год – семейный праздник. Марио теперь моя семья. Зато потом я снова буду летать с тобой до марта над дышащими на ладан петербургскими крышами!

– А ты папу с днем рождения поздравила?

– Германа? Естественно! Мой отлет – это лучший подарок, который я смогла для него придумать. Шучу. Просто рейсов на Милан до Рождества больше не будет.

Да, чуть не забыла. Сегодня, в самый короткий день в году, день рождения у моего папа. Профессора Германа Адамсона (в прошлой жизни Павла Войтова). Вот пока, пожалуй, и все, что я хотела записать.

А, нет. ПыСы. Вчера в интернете во всех новостных лентах выложили какой-то мрак и ужас про убийство молодой тетки на Васильевском острове. Я обычно такое пропускаю, но тут не смогла. Ее сбросили с многоэтажки в одной ночной рубашке. Именно сбросили, потому что руки и ноги у нее были связаны. А на ее ночнушке убийца написал красными печатными буквами: «Я не ведьма! Ведь я не умею летать. Жаль...» Вот ведь сволочь. А самое главное, что она действительно была ведьмой, эта тетка. Я видела ее в октябре на моей коронации. Теперь, пожалуй, точно все. Пойду поздравлю папу с днем рождения.

История 2, про грустный день рождения, капитана Шкатова, охоту на ведьм и большую, нечестную игру

Десять своих последних дней рождения профессор Герман Адамсон отмечал в башне на улице Бармалеева со своей семьей. Обычно приходили его институтские коллеги, было шумно и весело. Но сегодня все было по-другому. Папа никого не позвал под предлогом Викиного гриппа. На самом деле он просто не хотел никого видеть. Получился тихий семейный праздник, самый грустный из всех папиных дней рождения, которые помнила Вики. За круглым кухонным столом сидели Герман, Ма-Маша и Вики в белой марлевой повязке, на которой она намалевала черную улыбку. На столе сидел огромный филин Фил. А над столом висело чучело дракончика, переделанное под светильник. Папа зачем-то перевесил его сюда из спальни, но веселья он посиделкам не прибавлял. Разговор о папиных заслугах не клеился, и Вики, пользуясь моментом, решила поговорить на актуальную для себя тему:

– Па, Ма! Вы видели новость про ведьму? Правда, ужас?

– Вики, ты ни в чем не виновата. – Такого ответа Вики от отца не ждала. – Никто не может уберечься от подобных случаев. Преступление могло произойти, даже если бы на страже города стояли мы. Я уверен, что люди Авессалома и его орден Розенкрейцеров во всем разберутся. У них есть очень сильные витчхантеры. Так что не бери в голову.

– Вообще-то я никак не увязывала это происшествие с собой, пока ты мне об этом не сказал. Но ладно, все равно спасибо за заботу.

– Другое дело, что, пока мы стояли у руля, подобные происшествия не просачивались в прессу. Шкатов четко следил за этим, – сказала Ма-Маша.

– Наши спецы были лучше во всем, – сказал филин, заглотив дохлую мышку. Вики наколдowała ему их целую кастрюлю в честь папиного дня рождения. Ну не торт же ему есть, в самом деле.

– Почему были, магистр? – удивилась Ма-Маша. – Я слышала, что Шкатов и сейчас прекрасно сотрудничает с действующими орденами. Такого опытного сыскаря и ассасина в городе днем с огнем не сыщешь. Он, кстати, звание капитана недавно получил, за раскрытие дела с пропавшими школьниками. Дали ему звездочки, несмотря на то что преступницы в розыске. Так что, как минимум, одному члену Уробороса ты помогла, Вики.

Прямо на этих словах раздался звонок в дверь.

– Я открою, – обрадовалась Вики.

А вдруг это Ваня с Цоем вспомнили про папин день рождения и решили по этому поводу с ней помириться? Но в дверном проеме стоял капитан полиции Шкатов собственной персоной. Как говорится, помяни черта, он и явится к тебе. В руках у brutального капитана было два букета роз. Один он, молча улыбаясь, с поклоном протянул открывшей дверь девочке в маске. А второй, галантно встав на одно колено, вручил Ма-Маше.

– Приятно, что кто-то еще соблюдает субординацию даже в распущенном ордене, – одобрительно пробормотал Филин.

– Господин Адамсон, разрешите мне от всего ордена Уробороса поздравить вас с тридцатисемилетием! – Шкатов склонил мощную спину в поклоне перед отцом Вики.

– Андрей, – сказал папа, и Вики в первый раз услышала имя бравого полицейского, – бросьте вы этот цирлих-манирлих и садитесь с нами пить чай. Торт у нас сегодня замечательный, Вики сама наколдowała. Вы просто обязаны его попробовать. Тем более что мы вас только что вспоминали.

– Что же, я с большим удовольствием.

Шкатов сел напротив Вики, и она стала его внимательно разглядывать.

Наверное, можно было сказать, что Шкатов был красивым мужчиной. Если бы, конечно, он не был таким старым, а на глаз Вики дала бы ему лет тридцать пять. У капитана был темно-русый ежик волос, точеный римский профиль, массивная нижняя челюсть и ямочка на подбородке. Прибавьте к этому фигуру пловца – и вы получите словесный портрет суперполицейского Шкатова.

– Мы все очень переживаем за вас. За последние десять лет орден стал вам семьей и главным делом жизни. Старики говорят, что вы с Марией были лучшими главами ордена. Мне тоже всегда очень комфортно служилось под вашим руководством. – Шкатов будто бы говорил длинный тост с чашкой чая, спрятавшейся в большой ладони. – А вы, ваше высочество, были бы лучшей королевой Уробороса. Я уверен в этом.

– Все еще будет, Шкатов. Какие-то десять месяцев потерпите, ребята, и наше изгнание закончится, – произнес Фил.

– Я так всем и говорю, многоуважаемый магистр. Но, – все настороженно уставились на Шкатова, услышав это злое «но», – кто-то, похоже, очень сильно хочет помешать нам вернуться.

– Я сразу понял, Андрей, что ты зашел к нам не чаю попить, – сказал посерьезневший Герман, – докладывай обстановку.

– Если коротко, то все очень плохо. Кто-то решил основательно подпортить Петербургу Новый год. Город атакован с трех сторон. Витчхантеры Авессалома не справляются, что вроде бы нам на руку, и это как раз-таки и плохо. А теперь подробнее. Начну с наименьшего зла. Сегодняшние свежие новости. Ночью в центре в районе Таврического сада патрулем ордена Розенкрейцеров были замечены зомби. Причем не один, не два, а не меньше десятка.

– Зомби? Откуда? У нас их отродясь не было, – поразилась Ма-Маша. – Ну еще ладно там упыри, убыры, вурдалаки или умертвия, но чтобы зомби – верится с трудом.

– Мы же не на Гаити! – поддержал жену Герман. – Да и вообще зомби – это же просто продукт масскультуры, киношный штамп.

– Зомби и один живой мертвец с ними, типа вожак, – невозмутимо продолжил Шкатов, – я ребятам из патруля доверяю. Они их пытались догнать, но зомби просто растворились в воздухе. Исчезли у них на глазах. Похоже, что в городе появился новый неподконтрольный колдун-одиночка, влюбленный в хоррор-фильмы. Но это, как я уже говорил, меньшая из опасностей. Десятую ночь подряд на автобусных остановках находят голые обескровленные тела молодых ребят.

– Что я слышу?! – не выдержал Фил. – В Питере вампиры! Куда смотрит Авессалом? Нужно срочно собирать Совет старейшин и возвращать в дело орден Уробороса!

– Или не вампиры, а подражатели, – сказал насупленный Герман. – С чего бы это Древним устраивать такую выставку? Прямо рекламная акция какая-то – «Поймай вампира». На Древних не похоже, у них давно крови в достатке и развлечения совсем другие. А что говорит Авессалом? У него же прямые контакты с московскими Древними.

– Версии две. Либо это дилетант, маньяк-подражатель, возможно, вообще не из наших. Либо это неофиты под крылом Древнего-отщепенца, которого нужно унять. Нам Древние из Москвы по линии полиции прислали в помощь спеца по таким делам – некоего следователя Антона Зверского, или просто Зверя. Он там у них в главке возглавляет спецотдел по паранормальным преступлениям. Прислали три дня назад официально по полицейской линии, и я теперь у него в подчинении.

Шкатов умолк.

Вики даже присвистнула от удивления. Ну дела! Город, оказывается, полон неконтролируемой злобной нечисти. Если бы не ее несдержанность и неумение вовремя промолчать, все бы было по-другому. А теперь, когда орден Уробороса распущен, справляться с нечи-

стыми делами, похоже, некому. Орден Розенкрейцеров, занявший его место, явно не справляется...

Герман Адамсон сложил руки на груди, щелкнул костяшками пальцев, как он делал всегда, когда задумывался о чем-то неприятном, и сказал нарочито спокойным голосом:

– Зверский – серьезный товарищ. Я о нем наслышан. Вряд ли его бы прислали из-за вампиров. Ты что-то не договариваешь, Андрей. Не по мою ли душу ты пришел, старший ассасин?

Шкатов обиженно насупился:

– Я солдат ордена, а вы мой командир, и я лучше погибну, чем предам вас. Но вы правы. Дело очень серьезное. И Зверь здесь из-за вас. За последнюю неделю в Питере были убиты четыре ведьмы из всех орденов, кроме Уробороса. Идет самая настоящая охота на ведьм! Мы как могли скрывали это от СМИ, но вчерашнее убийство не смогли. Дебилу понятно, что это подстава специально для нас. Но Авессалом настаивает на том, что все наоборот – это мы пытаемся подставить его орден Розенкрейцеров и нечестной игрой хотим вернуть себе роль главного витчхантерского ордена. Он считает, что жертвы вампиров – это тоже наших рук дело. А зомби – это штучки Вики, которой запрещено напрямую колдовать. И все это якобы устроили мы только для того, чтобы показать его, Авессалома, несостоятельность.

– У старика крыша поехала от свалившейся на него власти. Десять лет не у дел, а тут такое везение. По-моему, он просто решил окончательно разделаться с нами под эту лавочку, – предположила Ма-Маша. – Мама заблокирует на Совете его глупые происки.

– Я тоже так думал, – согласился Шкатов. – Но у Авессалома – козырь, чрезвычайная ситуация с убийствами витчхантеров. Охота на ведьм, которая вылезла на поверхность. Великая мать не сможет вам помочь, пока не будет найден настоящий преступник.

– Ну и как еще нам может напакостить этот гнусный старикашка? – не выдержала Вики. – Он и так уже запретил нам колдовать, закрыл для нас Астралию и распустил орден!

– Авессалом ничего особо не может. А вот Древние, которым служит Зверь, и тем более Первородные, могут многое. Ты же сама пользовалась их заклинаниями. Они очень сильны, – печально сказал Герман.

– Для начала Древние могут изолировать вас в Астралии. Как Гертю, – произнес капитан, опустив взгляд. – Они пойдут на это, если ваше отсутствие прекратит охоту на ведьм.

– Которую мы не начинали, – опять хрустнул костяшками Герман. – Но это лишь полумеры. Обвинения слишком серьезные. Если они убедятся, что без нас ведьм перестанут убивать, а Авессалом справится с вампирами и зомби, – Уроборосу конец. Конец в прямом смысле, Андрей. Ты понимаешь? Древним проще уничтожить подозрительный и ненадежный орден, чем разбираться.

– Это точно, – подтвердил Шкатов, – у Зверя есть досье на каждого члена ордена. Мы все под колпаком. Для Древних жизни тринадцати семей ордена ничего не стоят по сравнению с опасностью, которую, по их мнению, мы можем представлять.

– А мнение это создал Авессалом! – взъерился Фил. Он взлетел над столом и начал нарезать круги в воздухе вокруг чучела дракончика. – Я найду его и разорву на кусочки, как когда-то Аркобаленуса. Этим старым магам нельзя верить, я всегда это говорил!

– Они только этого и ждут, Фил, – сказал Герман. – Те, кто затеял эту игру. Авессалом понимает, что он тоже под ударом, и, естественно, пытается перевести стрелки на нас. Что ему еще остается?

Древним все равно, кто виноват. У них свои резоны. Их главный принцип – хранить тайну. Люди не должны знать о них. А если люди узнают о нас, о том, что колдовство безнаказанно вторгается в реальный мир, если витчхантеры станут героями сплетен в интернете, значит, доберутся и до Древних. А им их покой дороже всех колдовских кланов Астралии. Поэтому, если наш орден исчезнет и безобразия в Питере прекратятся, они останутся

довольны независимо от того, кто это затеял. А если все продолжится – конец Авессалому и остальным орденам. За дело возьмутся сами Древние.

– Что же нам делать, папа? – Вики впервые стало по-настоящему страшно за семью. – Может, свяжемся с бабушкой?

– Я здесь. – За столом на пустом венском стуле появилась баба Люба, правда, прозрачная и нечеткая, словно «пиратская копия» самой себя. – Вернее, мой фантом. Но это неважно. Маша уже позвала меня, внученька. Дело плохо, ребята. Но мы пробьемся. Бежать нельзя – мы подставим орден. Единственный выход из ситуации – найти гада, который все это затеял. Это твоя прямая работа, Шкатов. Ты должен его искать, а не чаи здесь распивать! Найти и разобраться! Или тебе мешает Зверь?

– Я ищу, – грустно сказал полицейский, – и Зверь мне не мешает. Но когда я его найду, я не знаю. Я ассасин и сыскарь, но такого великого дара к розыску, как у Вики, у меня нет. Поэтому я и пришел.

– Сколько у нас времени, Шкатов? – спросил Герман.

– Авессалом настаивал на аресте глав ордена сегодня. Но Зверь не спешит, он разрешил мне поговорить с вами. Он тоже видит здесь нечистую игру, но долго гнев Древних сдерживать не сможет.

Герман снова громко щелкнул пальцами.

– Да прекрати ты этот хруст. Невозможно уже. Ты же знаешь, как я это ненавижу! – взъярилась Ма-Маша.

– План такой, – не обращая внимания на окрик жены, сказал профессор, – мы с Машей завтра улетим на конференцию парапсихологов в Мехико ровно на неделю. Здесь мы только будем создавать дополнительные риски для ордена, а там будем на виду. Ты, Вики, наша единственная надежда. Ты должна сделать самое главное – найти того, кто за всем этим стоит. Это тебе с твоими талантами инквизитора – в хорошем смысле слова – вполне по силам. Найди его, дочура! Мы будем все время с тобой на связи. Как только ты скажешь нам, кто мутит воду, орден будет спасен. Нам останется лишь остановить охотника на ведьм и разобраться с вампирами и зомби. Я верю в тебя. Соберись, девочка. Это тебе не куклы и крысы и даже не Герта, тут экзамен посерьезней. На кону наши жизни. Жизни всех членов ордена, и мы доверяем их тебе.

Вики с силой выдохнула. В воздухе повисло напряженное молчание. «Слишком театрально, – мелькнуло в голове у Вики, – как же я хочу, чтобы это оказалось розыгрышем, чертовым квестом!»

Все в комнате не отрываясь смотрели на нее в ожидании ответа.

– Я найду его, – выдавила из себя Вики.

– Вот и молодец! А я немедленно соберу Совет и добьюсь для тебя временной отмены запрета на колдовство и посещение Аустралии, – сказала баба Люба. – Тебе это просто необходимо для защиты.

– Для меня и для Цоя с Ваней. Без них мне не справиться.

– Уверена, что они пойдут на это. У Авессалома просто не найдется контраргументов. Если он против того, чтобы ты за неделю нашла виновного в убийстве ведьм, значит, он и есть виновный. Жди сигнала, Вики.

И «пиратская копия» бабушки исчезла с громким хлопком и синей электрической вспышкой.

– Бьюсь об заклад, что у Великой матери все получится. И у вас тоже, ваше высочество, все получится. А я возьму на себя Зверского и постараюсь чисто замечать нечистые следы, чтобы не злить Древних, – сказал Шкатов, радуясь мысли, что скоро их тяжкая проблема будет решена. – Я буду рядом, ваше высочество, и не дам вас в обиду.

– Мы все будем рядом, – сказала Ма-Маша.

Но только Вики уже была совсем не рядом, хоть и сидела с ними за столом. Она полностью ушла в свои мысли. И если вы думаете, что это были мысли о великой ответственности или страх, что она не справится и все погибнут, то вы очень сильно заблуждаетесь. Вики думала о том, как обрадуются возможности снова проявить себя в деле ее друзья, что скоро они обнимутся и начнут подтрунивать друг над другом, как раньше. А еще она думала, что, возможно, она снова увидит Анжело. Да, да, да, увидит Анжело!

Кстати, ведь вы с ним до сих пор не знакомы. Что ж, для знакомства с этим загадочным персонажем нам придется переместиться на два месяца назад и кратко вспомнить события, предшествовавшие злосчастной ночи коронации Вики.

История 3 предназначена только для тех, кто не читал первую книгу о злоключениях Вики. Остальные же читатели могут смело ее пропустить, если конечно же не хотят обновить в памяти события, предшествовавшие несостоявшейся коронации Вики

Два месяца назад, 22 сентября, в ночь после шестнадцатого дня рождения Вики, она совершила поступок, который резко поменял ее только что начавшуюся новую волшебную жизнь. Жизнь волшебную в прямом смысле этого слова, потому что только накануне шестнадцатилетия Виктория Адамсон, одиннадцатиклассница, обычная, хоть и немного странная девочка из семьи ученых, живущих на Петроградке в трехэтажной башне, стоящей на старой пятиэтажке, узнала о себе нечто невероятное и фантастическое. Ее привычный мир безвозвратно поменял привычную серую окраску на безумные цвета павлиньего оперения зазеркалья. Все вокруг оказалось не тем, чем было раньше: родные, друзья и даже домашние питомцы. Ее родители, отец и мачеха, оказывается, всю ее жизнь скрывали от нее, что были витчхантерами, главами могучего ордена Уробороса. А сама Вики оказалась не только принцессой и будущей королевой Уробороса, но и потомком древних магов, змеедевой – ведьмой из рода болотных гадюк – и наследницей престола Верховной ведьмы в метафизическом королевстве Аستراليا.

Круговорот опаснейших событий и приключений закружил Вики с ее верными друзьями Ваней и Цоем (они же Крысолов и Страж), совершив переворот в их сознании, заставив поверить в волшебство и проверить на прочность свои не только человеческие, но и сверхчеловеческие качества. При помощи почетного магистра ордена Уробороса мудрого филина Филантропа, ведьмы Розы и превращенной в ворону цыганки Кармалиты им удалось избавить родной город от нашествия армии крыс под предводительством безумного двухголового крысиного короля, мага Максимауса.

Немалой ценой далась Вики и ее команде эта победа. Они познали свою суть и недюжинные магические силы, бились в воздухе и на брусчатке Петропавловской крепости, потеряли в бою несчастливую кошку Матильду и множество смелых змей, пока наконец не упокоили крыс на невском дне, обретя могучие колдовские артефакты: дудку Гаммельнского крысолова и Голубой Карбункул – яйцо праматери Гадюки. Мало того, Вики и ее команде удалось вернуть прежний облик петербургским подросткам, превращенным Верховной ведьмой Гертой в корейские шарнирные куклы за хамское поведение по отношению к уродливой продавщице магазина «Живые куклы» ведьме Розе. А ведь среди этих кукол был Федди, одноклассник Вики и ее сердечная боль.

Но главным испытанием для Вики стала встреча с родной матерью, которую она считала давно погибшей. Выяснилось, что ее мать Герта, Верховная ведьма и куратор ордена Уробороса. Герта устроила ей испытание с крысами и куклами, чтобы понять, готова ли Вики принять корону. Причем в первую очередь Герту интересовал принадлежащий Ма-Маше Голубой Карбункул, сам выбирающий себе хозяина, а затем уже сила Вики и вероятность ее претензий на ее трон. Герта впутала в свою игру отца и мачеху Вики, удалила их в Астралию и подвергла девочку жестким испытаниям, с которыми та с честью справилась. Поскольку Вики проявила себя в войне с крысами и в эпосе по спасению детей-кукол не только как могучая ведьма, но еще и как добрый человек, пожертвовав свою вторую королевскую жизнь

погибшему Цою, безутешно горюя по погибшей Матильде и, наконец, простив пакостницу Розу и категорически отказавшись ее казнить, старая ведьма осталась довольна экзаменом.

Герта решила, что все прошло прекрасно: Карбункул, за который она предложила возврат человеческого тела кукле Федди, теперь уже точно попадет к ней, трон в безопасности, и можно смело давать согласие на то, чтобы Вики возглавила Уроборос, став его королевой. Теоретически Герта рассуждала правильно. Она ведь не знала, что за силы живут в хрупком маленьком теле синеглазой Вики. И уж никак не ожидала, что вновь обретенная дочь превратит ее в жабу. Да, вы не ослышались. Вики пришла в ярость, когда узнала, что все злоключения последней недели были всего лишь испытанием, «квестом», как Герта игриво именovala все, что проделала с Питером, несчастными детьми-куклами, армией крыс и своей дочерью. Кровавый, циничный квест, в котором Вики попрощалась с детством и нормальным миром, потеряла веру в родителей и стала ведьмой.

Ну, ведьма так ведьма. Вики перетрясла до клеточки всю свою генетическую память и призвала себе на помощь заклинания Первородных, от которых не было защиты даже у Верховной ведьмы. В результате в состоянии аффекта она превратила в животных всех своих близких и подвернувшуюся под руку Розу и встретила свои шестнадцать лет в компании жабы-Герты, кролика-папы, полевки-мачехи и лягушки-Розы.

История 4, в которой читатели перенесутся в машине времени на два месяца назад и узнают о том, что творилось в башне Вики перед коронацией

Первыми Вики расколдовала папу и Ма-Машу. Сделала она это прямо перед прилетом бабушки Любы из Рима, чтобы времени на скандальное выяснение отношений осталось как можно меньше. Честно говоря, ей было очень стыдно перед родителями за то, что она с ними сделала, даже если они сами были виноваты и вполне заслужили эти сутки содержания в клетках в зверином обличье. Скандала, как ни странно, не случилось. Но и примирения со всепрощающими поцелуями и объятиями тоже не произошло. Сначала родители, толкаясь, побежали в ванну и, не поделив ее, дружно мылись под душем. Выйдя оттуда, они, потупив взоры, принесли Вики свои извинения и попросили никогда больше не превращать их в животных.

– Ты не представляешь, какой это был кошмар! – сказал отец, не отрывая глаз от своих беспрерывно шевелящихся пальцев.

Ма-Маша ежесекундно поглядывала на себя в зеркальце, словно проверяя, не превратилась ли она снова в мышку. Вики тоже извинилась перед родителями.

– Вики, Фил, Карма! Я надеюсь, мне не надо объяснять, что это недоразумение должно остаться в стенах башни, – обратилась к присутствующим Ма-Маша, вроде бы окончательно придя в себя (только сейчас Вики открылся потаенный смысл этого речевого оборота). – Мы с Германом серьезно провинились перед Вики и, наверное, получили по заслугам. Но если об этом узнает кто-то кроме нас, последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Понятно?

Девочка-ведьма, важный филин и ворона с раненым крылом дружно покивали с очень серьезным видом.

– И надо срочно расколдовать Герту с Розой, – добавил Герман Адамсон.

– А вот здесь я с тобой не соглашусь. Розу можно. Герта же и так всегда зла и непредсказуема. Что с ней будет после такого фиаско? Я бы подождала маму, – сказала Ма-Маша, и на лице ее мелькнуло подобие улыбки. – Превратить Верховную ведьму в жабу – да это же просто мечта! Жаль, что никто об этом не узнает. Надеюсь, Герте это пойдет на пользу, и она впредь будет с нами поосторожнее.

– Кстати, про бабушку, – Вики посмотрела на часы, – она уже приземлилась. Вы опоздали в аэропорт.

Ровно через полчаса к ним присоединилась обиженная баба Люба. Вики была уверена, что из аэропорта до башни она летела на чемодане или на другом подручном (ручном) средстве, иначе бы так быстро не добралась.

– Не встретили больную пожилую женщину! Да что с вами такое происходит? Телефон не берете. Морды у всех такие постные. У девочки сегодня такой праздник, а у тебя, Машка, глаза заплаканные. Что случилось? – напустилась на них с порога баба Люба, дородная кустодиевская красавица, одетая по последней миланской моде и выглядящая немногим старше своей дочки Маши. Не дав никому открыть рот, чтобы попытаться ответить на обвинения и вопросы, она втянула воздух ноздрями, как заправская хищница. – А что это за запах? Такой до боли знакомый и отвратительный. Здесь Герта? Вы впустили ее в дом? Вики все знает? У нее в ухе Уроборос? Что вы тут натворили, дети? Нельзя вас оставлять одних!

Баба Люба плюхнулась на мягкий, протертый до пружин, кожаный диван в прихожей и картинно схватилась за сердце. Пришлось Вики ей все рассказать. В красках. Но больше всего, естественно, получилось у любимой Вики черной краски. Вики рассказывала, размахивая руками, в одной из которых была зажата кукла Федди, а мама с папой и Фил с Кармой послушно кивали головами. Глаза бабы Любы во время рассказа наливались то злобой, и тогда метали молнии, то восхищением, и тогда они светились ясным солнышком. Она периодически грозила пальцем дочке с мужем, а когда Вики закончила свой рассказ, Люба встала и обняла ее крепко-крепко.

– Молодец, девочка! Все правильно сделала. Мое воспитание! Мотю жалко. Любила я ее, дуру несчастную. А вам, балбесам, так и надо! Мало того что купились на дешевые фокусы и посулы Герты, так еще и, со мной не советуясь, согласились подвергнуть дочку опасным тестам. Хорошо еще, что все так закончилось. Дрянь эту с помощницей ее расколдуем прямо перед коронацией. А то будет нам тут настроение портить. Я с самого начала была против коронации (Герты или Вики?), но тогда я еще не контролировала Совет. Сегодня моей любимой внучке шестнадцать, и ее коронуют. Но для начала давайте отпразднуем твой день рождения в кругу семьи. Надень-ка это, Вики. – Бабушка достала из сумки на колесиках красивый пакет и подала его внучке. – А Голубой Карбункул отдай мне от греха подальше.

В пакете было платье. Черное бархатное платье, украшенное стразами, – а лучше сказать, ночное небо, расшитое звездами, из которого скроили платье для Вики. Конечно же, оно пришлось ей впору, и уже через десять минут вся семья, включая филина и ворону Карму, сидела за столом и дегустировала торт Вики. Первый ее наколдованный торт. И он даже не комом получился, а вполне съедобным тортом.

Здорово все-таки, что баба Люба приехала, радовалась Вики. Такой родной, хоть и не по крови, человек и никак не замазанный в истории с Гертой. Девушке сразу стало легче. Во-первых, она выговорилась, во-вторых, есть на кого положиться и кому поплакаться. А тут и Ваня с Цоем пожаловали. Нарядные, как никогда. Ведь прямо из башни они намеревались выдвинуться вместе с семьей Вики на коронацию. Оба были в черных смокингах и черных галстуках-бабочках. Особенно круто смокинг выглядел на атлетичном Цое. Зеленые рубашки и зеленые ботинки из змеиной кожи дополняли их наряд.

– Приятно видеть вас, молодые люди, в традиционных цветах нашего славного ордена, – поприветствовал их профессор Адамсон.

Цой за весь вечер не проронил ни слова, но это никого не удивило. А вот то, что он как-то странно на Вики поглядывает и один раз даже улыбнулся, – отметили все. Зато Ваня, как обычно, говорил без умолку. Он то и дело вспоминал свой волшебный подвиг над Невой, когда, сидя на грифоне и играя на волшебной дудочке, отправил на дно целую армию крыс. Вспоминал страшную мясорубку на Монетном дворе и как они весело скакали на Грибонале, когда ожил Цой, и как смешно прятались за корзинами с игрушками голые подростки, вернувшиеся в свои тела из кукольных, и как Вики перекинула Герту через прилавок, и как...

Чтобы Ваня наконец унялся, Вики сказала ему, что страшная Герта здесь, наверху. Вы бы видели, как побелело лицо у смелого Крысолова! Пришлось вкратце, без погружения в детали и упоминания про квест, рассказать друзьям о событиях прошлого дня. А что? Все равно Вики должна была объяснить, откуда взялась Герта и как удалось расколдовать Федди. Только про то, что Герта – Верховная ведьма и куратор Уробороса – оказалась ее матерью, и про то, как она в сердцах превратила Ма и Па в грызунов, Вики пока друзьям говорить не стала. Пожалела их. Решила, что скажет все после коронации, чтобы у них головы не полопались, как у нее вчера.

– Вики! Я всегда знал, что ты необыкновенно крута! С первого класса! – восхитился ее подвигами Ваня.

– Главное не зазнаваться, ребята, – отреагировал на его спич папа Вики, Герман Адамсон. – Помните: все, что вам дано, дано не просто так, а должно служить доброму делу. Мы защищаем людей нашего города от сил, против которых у них нет оружия. И вы теперь – часть нашего боевого отряда. Наша смена. Добро пожаловать в орден.

– Это что, и есть таинство коронации? – расстроился Ваня. – Нас приняли в орден Уробороса? А как же клятва?

– Не бойся, Ваня, – улыбнулась Ма-Маша, глядя в его обескураженное лицо, – официальная церемония пройдет сегодня ночью. Все будет волшебным, красиво и помпезно. Обещаю: вы запомните ее на всю жизнь. Тем более что вы первый раз попадете в Австралию.

– Мы сегодня отправимся в Австралию?! А правда, что там живут сказочные существа – феи, гномы, сатиры? – спросил заинтригованный Ваня, протирая очки в старинной круглой металлической оправе. Раньше Вики у него таких прикольных очков не видела.

– Правда, – успокоил его профессор Адамсон. – Австралия – параллельная реальность, где волшебство так же обыденно, как наши посиделки с чаем. Наберись терпения и все увидишь сам.

За час до полуночи семейный совет принял решение об освобождении Герты. Баба Люба, Вики и Ма-Маша проследовали по винтовой лестнице вверх в спальню девочки, а Герман остался внизу развлекать гостей, дабы не создавать дополнительный фактор раздражения для разъяренной ведьмы. Герт и Роза тихонечко сидели в террариуме с гигантскими улитками.

– Симпатичная жабка, – не удержалась баба Люба, – и лягушечка тоже очень миленькая получилась. Ах, Вики-Вики, умница-колдунья моя.

С «лягушечки» и начали процесс расколдовывания. Баба Люба ловко опустила ее на пол и строго осмотрела через призму Голубого Карбункула, беззвучно шевеля пухлыми губами. Алле-ап! Маленький вихрь закрутился на полу, и перед ними явилась толстая ведьма Роза. В ее крошечных черных глазках сияла радость освобождения.

– Ну, как тебе, змея, в лягушачьем теле сиделось? Понравилось? Еще хочешь? – строго спросила бабушка.

Недолго думая Роза бухнулась на колени перед бабой Любой, размазывая руками слезы по жирным щекам.

– О Великая! О старейшая мать! Простите меня, змейку глупую! Не посмела перечить Верховной ведьме! Запугала она меня! А я ведь вашим потом помогала, как могла. И с крысами билась до смерти. Кровью искупила, так сказать. Вы хоть Вики-то спросите.

Вики кивнула. Она на Розу зла не держала. Хотя та и страшна была в змеином обличье, зараза! Ну, так и крысам от нее досталось сполна. Чистая правда.

– Вики? – изумилась баба Люба. – Она тебе не Вики, змея, а ее высочество! А через пару часов ты ей на балу как королеве присягать будешь. На коленях проси прощения, тварь болотная!

– Да ладно, ба, давай ее простим, – вступилась за Розу смущенная Вики, – она перевоспиталась уже. Я бы даже в Уроборос ее взяла, чтобы она подальше от Герт была.

– Добрая девочка, – усмехнулась баба Люба, – вся в папу. У нас в роду таких добрых нет, правда, Маш? Вот и сестра твоя троюродная подтвердит, когда мы ее расколдуем. А ты, Вики, не в курсе же, наверное. Герт, мать твоя, – моя племянница троюродная по матери.

Вики с ее аналитическим умом, честно говоря, не сильно удивилась этой информации. Учитывая, что и Люба, и Герт, и Маша – все оказались из рода болотных ведьм, какое-то родство между ними должно было быть. Вики сейчас гораздо больше беспокоило, как себя поведет злющая непредсказуемая Герт, когда ее расколдуют. На всякий случай она приготовилась к бою с новоиспеченной матерью. Роза, видимо, боялась не меньше, потому что спряталась за их спинами. Но ничего подобного не случилось. Черная жаба с хлопком

превратилась в черное грибообразное облачко, из которого появилась угрожающе массивная и, как всегда, экстравагантная Герта в прекрасном черном платье и с красной розой в высокой причёске. Колдунья была на удивление спокойна, и только сверкающие ненавистью глаза и чуть трясущиеся пальцы рук, клацающие массивными перстнями, выдавали, с каким трудом она держала себя в руках.

– Спасибо за мою дочь, тетя. Чертовка хороша. Мои поздравления. Я рада, что, несмотря на ваше бездарное воспитание, моя кровь в ней все-таки взяла верх, – высокомерно вздернув породистый нос, сказала Герта своим бархатным голосом, обращаясь к бабе Любе. На Вики она старалась не смотреть. – Увидимся на церемонии, родственнички. Надеюсь, подробности моего пребывания у вас в башне останутся в семье. Для общего блага, разумеется. Дальнейшие действия обсудим на Совете. Пока, родственнички!

И, изобразив что-то вроде насмешливого полупоклона, ведьма резко изменила тон:

– Розка, к ноге! Я все слышала, гадюка. Сгною в болоте! Бегом за мной из этого предательского гнезда!

Герта и помчавшаяся за ней хвостом Роза грохочущей кометой промчались по винтовой лестнице. Громко хлопнула входная дверь.

– Да уж, – резюмировала баба Люба, – характер у твоей мамыши всегда был не сахар. Но одного у нее не отнять – она настоящая ведьма. Вся в праматерь. Поэтому ее и выбирают в Верховные ведьмы. А Машка моя пошла в отцовскую линию.

Вот и слава богу, подумала Вики, но почему-то не решилась сказать это вслух. Вместо этого она спросила:

– Ба, а чего это Роза так лебезила перед тобой? Что это еще за Великая старейшая мать?

– Девочка моя, – баба Люба обняла Вики, – наш мир только начал раскрываться перед тобой. Тебе еще столько всего предстоит узнать. Давай-ка присядем. А ты, Маша, иди к мальчикам.

Ма-Маша и Вики послушно выполнили команды важной матроны. Вики была донельзя заинтригована. Она никогда не видела бабу Любу такой – властной, уверенной, сильной. Ее любимая бабушка открывалась с самой неожиданной стороны.

– Я – глава Совета старейшин колдунов Петербургской Астралин. В Совет входят главы колдовских кланов Санкт-Петербурга Астралийского. Герта – Верховная ведьма, глава клана болотных ведьм, член Совета, не более того. Верховная ведьма – должность выборная на пять лет, я тоже когда-то была ею, но последние десять лет выбирали Герту, как самую сильную ведьму. Я тоже голосовала за нее. Какая ни есть, а все же родня, гадюка. А семья – это главное, Вики. Герта действительно курирует орден Уробороса, как Верховная ведьма. Но даже в Питере она не главная. Совет главнее. Вот почему ей так нужно было восстановить Серпентиум. Но это невозможно. Здесь сейчас сосуществуют четыре могущественных клана. И даже если бы Герта заполучила карбункул и тебя, никто не дал бы ей ни вернуть Серпентиум вместо Петербурга, ни поставить тебя во главе Астралии. Эта сумасбродка ведь обещала тебе трон Астралии?

– Что-то вроде того. Я плохо помню. Моя голова работала только на то, чтобы вспомнить заклинания Первородных.

– И твоя голова отлично справилась. От этих заклинаний нет защиты даже у меня. Надеюсь, ты не превратишь меня в жабу или крысу?

– Конечно нет, ба! Ты же знаешь, как я тебя люблю. Скажи мне, почему тогда эти могущественные кланы не вмешались в историю с Максимаусом? Не встали на защиту Петербурга от крыс?

– Они ничего об этом не знали. Город защищает орден Уробороса, и прийти к нему на помощь остальные кланы могут только по его просьбе. А ты прекрасно обошлась без помощи. Понимаешь?

Вики кивнула, хотя понимала все с большим трудом. Но очень старалась. Баба Люда продолжила свой ликбез:

– В Астралию входят все колдовские семьи мира. У Астралии нет границ. Живя в Италии, я спокойно заходила в Астралию и вела все Советы старейшин. Глобалистские аппетиты Герты меня всегда пугали. Она всегда хотела быть владычицей Астралии. И тебя она родила только с этой дальней пристрелкой, в надежде, что соединение двух могучих кровей даст великую силу ее ребенку, породит самую могущественную ведьму на Земле, которая сможет объединить все кланы и править Астралией. И не только ею, но и всем миром. Безумие! Как хорошо, что мы с ней последние шесть лет виделись только на Советах.

– Подожди, подожди, ба. Значит, получается, что ты тоже была в курсе, что Герта готовит мне испытание?

Баба Люба внимательно посмотрела в синие испытующие глаза Вики, вздохнула и подтвердила ее догадку:

– Это ее материнское право. Таковы наши законы. А мы – клан болотных ведьм – чтим наши законы. Но никто не знал, что она учудит. К тому же я верила в твои силы и не ошиблась. Все страшное позади, Вики. Вместе с детством и странной девочкой, не знавшей, почему у нее от рождения черные губы и ногти. Пора оставить там свои обиды. У старика Тругота уже начали собираться члены ордена. Нам тоже пора почистить чешую и отправиться в путь. Так что собирай свою свиту. Мы выдвигаемся через десять минут, моя королева.

История 5, про коронацию Вики, в которой терпеливые читатели пройдут карнавальным шествием с семьей Адамсон от улицы Бармалеева до улицы Блохина и наконец попадут в Австралию прямиком через дверь в квартире белого мага и художника Гавриила Тругота, чтобы вдоволь погулять в его волшебной галерее

Торжественная церемония коронации королевы Виктории проходила в доме белого волшебника Тругота на улице Блохина. От улицы Бармалеева идти туда было недалеко. Воспользовавшись отсутствием дождя и сравнительно теплым октябрьским вечером, Вики с семьей и примкнувшими к ним Стражем и Крысоловом отправились на коронацию пешком. Редкие прохожие, попадавшие на пути этой красочной процессии, увидев ее еще издалека, застыли с раскрытыми ртами. И было от чего.

Первой вышагивала Великая мать, баба Люба, в великолепной зеленой бархатной накидке-плаще поверх черного платья, расшитого зелеными шнурами-змеями, в высокой черной остроконечной шляпе и сапогах-галифе из кожи анаконды. В руке у колоритной бабушки был зонт-трость, также из тончайшей змеиной кожи и с серебряной ручкой-змеей – вещь, совершенно необходимая при переменчивой петербургской погоде. За ней степенно, рука об руку, шли главы ордена Уробороса – Герман и Мария. Ма-Маша и папа Вики, в повседневной жизни одевающиеся, как студенты – в джинсы, футболки и свитера, – этим вечером были неотразимы. Вернее сказать, любое зеркало почло бы за честь в этот вечер отразить великолепную пару. Ма-Маша была одета в точности, как ее высокочтимая мать, с одним отличием. Вместо шляпы ее веснушчатое лицо украшала помпезная высокая прическа а-ля рококо, и в рыжие волосы гармонично вплетались зеленые змейки малахитовых бус, прекрасно гармонировавших с ее глазами. На Германе был парадный зеленый френч Уробороса, черная рубашка, черные узкие штаны и узконосые зеленые ботинки, а на голове заливчатски сидела треуголка – все это, как и трость в руке, сразу отсылало очевидцев к прошлому, а может, и позапрошлому столетию. На широком плече профессора с трудом помещался огромный важный филин в золотой цепи с медальоном, на котором был изображен узорчатый уроборос. Кроме того, магистр Филантроп в честь праздника был наряжен в зеленую блестящую мантию и грозно зыркал по сторонам желтыми фарами глазниц. За родителями, чуть отстав, шла принцесса Вики со своей свитой, Стражем Цоем и Крысоловом Ваней, которые поверх фраков накинули легкие зеленые плащи. Ваня без усталости болтал и хихикал, а могучий Цой всем своим видом показывал, что он готов справиться с любой опасностью, по глупости решившей встать на пути его будущей королевы. Вики же чувствовала себя не в своей тарелке, периодически спотыкаясь на высоких каблуках. Платье с узором ночного неба, конечно, было красивое, но уж больно непривычное, как и длиннополое пальто болотного цвета, лисья горжетка (горжетка!) и зеленая остроконечная шляпа высотой почти с нее саму. «Народ, наверное, думает, что мы массовка из исторического фильма про городских сумасшедших, – отвлекала себя Вики, пытаясь справиться с волнением, охватившим ее с тех пор, как они вышли из башни. – Конечно, не каждый день тебя коронуют! Некоторые всю жизнь к этому готовятся, а у меня было чуть больше суток», – сетовала она мысленно.

Вы, наверное, заметили, что с Адамсонами не было вороны Кармы. Но несчастная птица отказалась идти на церемонию, сославшись на раненное крысами крыло.

Так они и дошли яркой процессией до узкой и тихой улицы Блохина. Тут Цой впервые за вечер открыл рот, указав рукой направо:

– Кочегарка.

Они проходили мимо места, святого для каждого поклонника творчества группы «Кино». Когда-то по ночам здесь топил углем кочегарку молодой Виктор Цой. Смешной он все-таки, этот Олег Хван, он же Цой, верный страж принцессы Вики.

У арки в просторный двор Тругота они встретили нарядных родителей Вани и Цоя, которые тоже были одеты в зелено-черную гамму Уробороса. Мальчишки сразу подбежали к ним. К Труготу семьи уже подходили, выстроившись по субординации, – родители Вани и Цоя замыкали процессию.

Дом Тругота ничем не отличался от примыкавших к нему старых и обшарпанных петербургских домов, у вросшего в асфальт входа в парадную чернело однорукое дерево. Дверь в подъезд была не заперта. Узкая, плохо освещенная лестница, ободранная обивка на дверях квартир, а из-за них – запах жареной картошки и голос Стаса Михайлова. Вики даже стало обидно, что ее будут короновать в таком незаmysловатом месте. Уж лучше бы в нашей башне, подумала она, с трудом поднимаясь по ступенькам в неудобных сапогах на высоких платформах. Лифта в подъезде не было. Но как только они добрались до последнего пятого этажа, залитого ярким светом из полностью распахнутых дверей двух входов в квартиру, как все беспокойство, недовольство и опасения Вики куда-то безвозвратно улетучились. Двери в квартиру Тругота снаружи были обычными, старыми и требующими ремонта, а внутри они уже сияли наборной слоновой костью и вели в прекрасные дворцовые помещения, откуда маняще звучала чудесная живая музыка.

– Добро пожаловать, ваше высочество! Гости продолжают прибывать на бал-маскарад в вашу честь. Но у вас еще есть время погулять по Австралии.

Подметая плюмажем роскошной пижонской шляпы пол лестничной площадки, склонился перед Вики в низком поклоне здоровенный суровый привратник в костюме мушкетера. На боку у него даже болталась шпага. А когда привратник распрямился, Вики с удивлением узнала в нем старшего лейтенанта Шкатова, полицейского, уже не раз приходившего ей на помощь.

– Виктория! Где ты застряла?! Я хочу познакомить тебя с хозяевами, – услышала Вики голос бабушки, и, улыбнувшись (вот чего она от себя точно не ожидала) Шкатову, она забежала в квартиру.

И тут же замерла у входа, затаив дыхание. Она еще никогда не бывала в таком необычном месте. Первое, что ее потрясло, – это игра пространства. Совершенно непонятно было, как все, что сейчас видела девочка, могло втиснуться в квартиру Тругота!

Вики стояла в просторной прихожей размером с небольшую ярмарочную площадь. Схожесть с площадью ей придавали и гладкие булыжники под ногами. Прихожая была замощена! Напротив Вики, в противоположном конце прихожей, были распахнуты исполинские двери в бальный зал, где наяривал Шуберта симфонический оркестр и кружились в танце яркие пары. Бальный зал казался бесконечным и был залит ярким солнечным – вы не ослышались, солнечным – светом, в котором растворялись силуэты зашедших туда родителей Вики и семей ее свиты. Вправо и влево от прихожей отходили анфилады бесчисленных полутемных комнат, откуда вкусно пахло неизведанными пряностями и доносилась странная механическая музыка, сливающаяся в постепенно затихающую какофонию. У входа в бальный зал стоял огромный музыкальный автомат, изображающий японский императорский оркестр с деревянными музыкантами в натуральную величину. Деревянные японцы приветственно улыбались широко распахнутым синим глазам Вики. А вокруг летали краса-

вицы-бабочки всех возможных и невозможных цветов и порхали колибри, как сначала показалось Вики. Только потом до нее дошло, что и у бабочек, и у птичек были вполне себе человеческие ручки, ножки и головки.

«Этого не может быть», – заверещало сознание Вики.

«Ты в Австралии, детка. Здесь все может быть», – ответила ей бабушка прямо в ее голове.

«Ты что, читаешь мои мысли?» – мысленно возмутилась Вики и стала оглядываться по сторонам.

– Вики, детка, позволь представить тебе старых друзей нашей семьи и нашего ордена. Гавриил и Джозефина Тругот. А это мое главное сокровище, без пяти минут королева Уробороса – Виктория. Но для вас, друзья, всегда Вики!

Тут только девочка поняла, что все время, пока она с открытым ртом стояла в прихожей, рядом с ней находилась эта престранная парочка с огромным белым пуделем, подстриженным подо льва по всем правилам циркового искусства.

– О, позвольте, я поухаживаю за вами, прелестное дитя, – обратилась к Вики со смешным прононсом шикарная дама без возраста, разряженная, как французская королева восемнадцатого века.

Джозефина одним легким движением сняла с Вики пальто и отбросила его прочь. В полете оно было подхвачено сотнями пищущих от счастья крылатых существ и унесено куда-то в бесконечную череду комнат. Туда же последовала и шляпа. Как ее неудобные сапоги превратились в легчайшие туфли-лодочки, Вики не уследила. Она во все глаза смотрела на колоритного старичка с мальчишеской белозубой улыбкой. Еще на этом старом, сморщенном, но очень живом лице были лукавые, совсем молодые глаза. Такие же синие, как у Вики. Они не выцвели, несмотря на то что их хозяину, судя по всему, перевалило за сотню лет, и лучились юношеским задором из-под шикарной белой, как пух, шевелюры, подстриженной по последней лондонской моде. Одет Тругот был моднее, чем самый модный бруклинский хипстер. Узкие клетчатые штаны, чернобелые штиблеты, неимоверной расцветки пиджак и колючий мохеровый шарф – и все это было к месту, со вкусом и сидело на нем как нельзя кстати.

– Гаврик очень хочет показать вам свои галереи, – сказала Джозефина, слегка картавя и растягивая слова. – Он не умеет говорить, но все прекрасно нарисует.

– Иди-иди, деточка, уважь герра Тругота, – подтолкнула Вики баба Люба. – Прогуляйся с хозяевами минут десять и возвращайся к нам. Я пойду пока, поприветствую членов Совета. Сегодня здесь соберутся представители всех питерских колдовских кланов, чтобы приветствовать новую королеву Уробороса.

Гавриил Тругот, ловко взяв Вики под локоть, повлек ее налево в бесконечные анфилады комнат, призывно подмигивающие тусклыми светильниками. За ними поспешила Джозефина, усердно семеня под тяжелым платьем и держа на поводке пуделя. Больше всего «галерея» Тругота напоминала музей обыкновенного безумия. Высокие стены залов-комнат, выкрашенные в темные цвета, были хаотично увешаны разнообразными предметами, большинство из которых оказались картинами Тругота. Творения белого мага были страшными, загадочными, смешными и притягательными одновременно: зеленые и желтые лица людей; написанные как бы впопыхах, но при этом совершенно живые сказочные существа; городские пейзажи с летающими в красном небе домами, обилие откровенно обнаженных прекрасных тел, сливающихся в любовном экстазе в самых неподходящих местах. Такое чересчур своеобразное творчество одновременно притягивало и отталкивало Вики, вгоняло в краску и не давало оторвать взгляд. Но кроме картин кругом висели самые разнообразные предметы, наличие которых наверняка позавидовал бы любой уважающий себя музей мира. Первым бросалось в глаза обилие разнообразного оружия – от ножей бронзового века

до мушкетеров, украшенных великолепной гравировкой, золоченых револьверов с ручками из слоновой кости, алебард и прообразов первых пулеметов. Кроме оружия, переполненное эмоциями сознание девочки успело отметить: маски африканских колдунов, искусно изрезанные бивни слонов, мамонтов и нарвалов, множество старинных кукол и машинок на полочках, театральные средневековые марионетки, заспиртованные в огромных банках уродцы, вертепы, самодельные вывески, модели кораблей и самолетов от самых первых до современных. И все это в полной темноте умело подсвечивалось разнообразными изысканными светильниками, ни один из которых не повторялся.

Казалось, что все это собирал какой-то сумасшедший коллекционер, не знающий проблем ни с деньгами, ни со временем и всю свою жизнь посвятивший потаканию своей болезненной прихоти. По углам комнат чучела единорогов и саблезубых тигров соседствовали с латами рыцарей в полный рост, а рядом с ними стояли первые игорные автоматы с ярмарок начала прошлого века.

И конечно же, в каждой зале обязательно был один, а иногда даже два музыкальных автомата – от самых простых в виде музыкальных шкафов или комнат, наполненных механическими, самостоятельно играющими инструментами, до необыкновенно изощренных, изображающих целые военные оркестры в натуральную величину. Пробегая мимо них, Тругот резко взмахивал костлявой рукой, и они моментально начинали играть свою резковатую, заунывную, отчужденно нечеловеческую музыку, холодную, как свет далеких звезд. Любое классическое произведение, даже давно знакомое Вики, в исполнении деревянных артистов или одиноких бездушных инструментов превращалось в красивый, таинственный, а порой и пугающий сюрреалистический опус. Вики думала, что, наверное, так должен был бы выглядеть сон Сальвадора Дали, срежиссированный Тимом Бертоном на пару с Дэвидом Линчем. И она сейчас была неотъемлемой частью этого сна.

Иногда Вики хотелось остановиться, чтобы как следует все рассмотреть. Но Тругот не замедлял шага и неумолимо тащил ее вперед, словно боясь не успеть показать что-то более значительное и интересное. При этом он успевал рисовать в воздухе пальцами свободной руки немедленно оживающих маленьких фей, крылатые сердечки, цветы и воздушные поцелуи в виде пухлых губ с крылышками, которые порхали вокруг и так совершенно закружившейся головы девочки.

«Боже, да он заигрывает со мной, совершенно не стесняясь жены, – вспыхнула Вики. – Может, у магов или у художников так принято? Или даже положено по этикету? Я совершенно ничего в этом не понимаю».

Но флирт Тругота был настолько милым и простодушным, что Вики милостиво позволила ему продолжить рисовать все эти пошлые поцелуйчики и сердечки.

Они пронеслись галопом комнат этак двадцать пять, пока не попали в огромную залу, посреди которой, словно сошедшая с ума юла или раскрученный рукой великана свадебный торт, под нарочито веселую балаганную музыку крутилась украшенная белыми горящими лампочками старинная красная карусель потрясающих воображение размеров. Тругот наконец остановился и написал в воздухе горящими буквами: «Это самая большая в мире карусель, моя девочка!» Писал старик обеими руками одновременно, правой с конца предложения, а левой с начала, так что предложение сходилась в воздухе примерно посередине.

Вики не могла налюбоваться на карусель. Ей немедленно захотелось прокатиться на каждом диковинном существе, с бешеной скоростью мелькавшем перед ней. Сиденья-существа располагались на обитом алым бархатом круглом полу карусели в три ряда, и, чтобы разглядеть их всех, нужно было очень сильно постараться. Кентавры, грифоны, крылатые львы, единороги, василиски, рогатые слоны на тонких ножках, гигантские пауки, грустные русалки, сцепленные перепутанными синими хвостами, диковинные рыбы из морских пучин, полуголые красотки, вырастающие из тел черных пантер и кобылиц с чешуйчатыми

рыбьими хвостами, умные волки и хитрые коты – это те, кого Вики удалось рассмотреть. А сколько там было еще непонятных, неизвестных, чарующих существ, которые, проносясь мимо, звали ее оседлать их и нестись, нестись по кругу под безумную музыку. «Никогда не любила карусели, – думала замороженная, загипнотизированная Вики, – но на этой старушке я бы каталась, пока меня не выгнали бы. Какие же глупые мысли лезут в голову без пяти минут королевы витчхантерского ордена. Надеюсь, Труготы меня не слышат?»

«Хозяева – нет, а я вполне разделяю твои чувства, девочка», – мысленно сообщил Вики пудель Джозефины и дружественно повилял длинным хвостом с кисточкой на конце.

История 6, в которой читатели познакомятся с загадочным юношей Анжело, потанцуют вместе с Вики на ее первом балу, а также сполна вкусят сказочной несправедливости вместе с Цоем

А старик Тругот, загадочно улыбаясь, уже тащил Вики дальше по своей безумной галерее. В следующем зале с расписанными а-ля средневековая Верона стенами находился большой симфонический оркестр. Даже огромный рояль присутствовал. Правда, все музыканты были деревянные, зато инструменты настоящие.

– Дайте-ка догадаюсь, – сказала Вики, иронично сощутив глаза, – самый большой в мире деревянный оркестр?

Тругот, пудель и Джозефина радостно закивали головами, а Вики поняла, что галерея белого мага, несмотря на свое великолепное безумие, ей уже порядком наскучила... И тут она увидела его. Вернее, сначала услышала, как кто-то, лениво перебирая струны, играет «Нирвану», и не что-нибудь там, а ее любимую песню «Литиум». Вики обернулась и увидела странного юношу, сидящего на стуле у стены. В руках у него была маленькая белая арфа, и на ней- то он и играл. Сначала Вики решила, что это еще один механический экспонат из коллекции Тругота. Уж больно нереально он выглядел – полностью белым, от совершенно белых длинных волнистых волос до белых теннисных туфель. Бледный, худой, даже изможденный. Прозрачно-белая кожа, почти белые, с розовой радужкой глаза, как у жителя пещер. Ну просто абсолютный альбинос.

– Это наш дальний родственник. Правда он милый мальчик? – проскрипела Джозефина где-то возле уха Вики.

Вики обернулась к ней, но она вместе со стариком и пуделем поспешно растворилась в полумраке.

– Анжело! Меня зовут Анжело. Ты же это хотела спросить.

Юноша, оставив арфу на стуле, легкой поступью подошел к Вики. Подошел слишком близко, заведомо нарушив границы ее личного пространства.

«Вот нахал», – подумала Вики, но почему-то не стала отходить или отгонять альбиноса. Вместо этого она сказала:

- Странное имя для мальчика.
- Кто бы говорил. Виктория конечно же идеальное имя для девочки.
- Все зовут меня Вики. Ты тоже можешь.
- Ты, наверное, знаешь все на свете, Вики-педия?
- Не все, – не поддалась на провокацию Вики, – например, я не знаю, кто ты.

И в этот самый момент неожиданно, как гром в ясном небе, самый большой в мире деревянный оркестр грянул вальс. Наглый альбинос положил ей на талию левую руку в белой лайковой перчатке, а правой рукой сжал ее маленькую ладонь.

Свершился один из самых страшных кошмаров Вики... Простите, но тут я должен открыть вам большой секрет: Вики не умела танцевать классические танцы. Просто никогда не училась этому. Желания не было. Да и такой необходимости у нее раньше не возникало. Собственно, поэтому-то она и замерла в прихожей у Труготов, не спеша вместе со всеми заходить в большой бальный зал, где нужно было бы объяснять каждому встречному-попечному, что она не танцует не из-за королевской спесивости, а просто потому, что не умеет.

Не умеет?! А кто же тогда невесомым мотыльком порхает по полутемному залу, который с каждым мгновением становится все светлее и светлее от мириадов светлячков? Кто

кружится в вальсе с Анжелло и смеется от счастья? Кто эта маленькая кудесница танца с черными волосами, в платье, сверкающем Млечным Путем? Оказывается, ее ноги гораздо лучше ее знают, что такое вальс. А Анжелло прекрасно ведет в танце. Ведет! Она откуда-то знает это слово, и ей так уютно и спокойно в руках этого иронично улыбающегося, хрупкого альбиноса, что она не может понять, отчего это ее маленькое сердце так и норовит выпрыгнуть из груди.

Больше всего Вики боялась сейчас, чтобы происходящее не оказалось сном. Девочке казалось, что время остановилось и вальс играет уже целую вечность, и она думала, что это лучшее из всех возможных применений для вечности. Но тут, как назло, в ее голове раздался громкий голос бабы Любы:

«Вики! Гости собрались и ждут свою королеву на балу!»

Девочка испугалась, что Анжелло исчезнет, растворится в темноте галереи, как Труготы. Ей уже совсем не хотелось ни на какую коронацию. Она вообще забыла о ней. Ей хотелось только одного: чтобы ее вальс с Анжелло никогда не закончился. И он не кончился!

– Судя по твоему лицу, принцесса, нам пора в парадный зал, – сказал Анжелло и закружил ее еще сильнее и быстрее.

Они поднялись в воздух над деревянным оркестром. В голове у Вики все поплыло, но она доверилась сильным рукам юноши и нисколько не удивилась, когда через мгновение они оказались на наборном паркете в центре бального зала, кружась среди других нарядных и счастливых пар.

Бал королевы ордена Уробороса был в полном разгаре. Здесь играл живой оркестр, все музыканты которого были раскрашены поверх черных трико под скелетов. Гордый Ваня Гамелянский с намалеванным на лице флюоресцирующим черепом солировал, играя на флейте, – но, конечно, не на своей волшебной дудке, ведь она была нужна совсем для другого. Мелькали знакомые и незнакомые лица, неподалеку кружились отец с Ма-Машей, вдали – родители Цоя. Но Вики сейчас интересовало только анемичное лицо напротив нее, лицо белокурого Анжелло с чуть насмешливой, грустной улыбкой и розоватыми глазами цвета фруктового зефира. Когда музыка остановилась, Вики отказалась поверить в такую несправедливость. Но зато ее кавалер наконец-то соблаговолил заговорить:

– Ты спросила, кто я. Я дальний родственник старика Тругота. Не правда ли, он чертовски обаятелен? Ни дать ни взять лондонский денди. Это в его-то три тысячи девяносто три. К тому же гениальный художник. А как легко танцует! Тебе обязательно нужно станцевать с ним, Вики.

– Что? – утопая в глазах Анжелло, растерянно спросила Вики.

Она слушала, но не понимала странного парня, потому что слышала лишь свое бешено прыгающее сердце, пустившееся вразнос с того момента, как ее руку сжала худая рука в белой лайковой перчатке.

– Ничего, милая. Ты прекрасно танцуешь! Спасибо за удовольствие. Еще поболтаем, – сказал Анжелло, снова улыбнулся и растворился в круговерти бала.

Сбитая с ног волной чувств, ничего не понимающая Вики, едва сдерживая слезы, осталась стоять посреди зала. Несмотря на красочную гомонящую толпу вокруг нее, Вики казалось, что она в зале совершенно одна. Музыканты сделали небольшой перерыв, но пары не расходились, надеясь на скорое продолжение танцев. Рядом с Вики тут же материализовалась вездесущая баба Люба.

– Поздравляю, деточка! Бал удался. Присутствуют все члены Уробороса и важные гости из дружественных нам орденов: Розенкрейцеров, Перуна и Ариев. Герман и Маша развлекают их светской беседой. Твоя биологическая мать тоже там. Ведет себя пока прилично. Нахваливает тебя с пеной у рта. А как ты танцевала вальс! Все просто в восторге. Познакомишь меня потом со своим кавалером?

Вики кивнула, растерянно оглядываясь по сторонам в поисках Анжело.

– Вики, девочка, соберись! Ты сегодня королева бала. Каждый мечтает станцевать с тобой, и ты не вправе отказать кому-либо из гостей. До церемонии еще час. Ты вообще слышишь меня?

Конечно, Вики слышала бабушку какой-то частью слуха и даже понимала смысл произнесенного ею, хотя и находилась в состоянии грогги, то бишь легкой контузии. Мир вокруг нее, яркий пестрый мир Астралин, крутился, как красная карусель, слепя ее своими лампочками, а вместе с ним кружилась ее бедная голова. Один раз год назад, когда Вики неудачно поэкспериментировала с игристым итальянским вином, привезенным бабушкой, у нее точно так же все плыло перед глазами. А сейчас ей казалось, что сам воздух вокруг – словно молодое вино с пузырьками, и она уже давно опьянела от него. А может, она сама превратилась в карусель и кружится со страшной скоростью в своей внутренней Вселенной, когда ей так нужно остановиться, сойти с себя и найти Анжело. Не мог же он ее вот так бросить здесь одну после того... А, собственно, после чего? Танца и полета? Полета в танце? Тут снова грянула музыка, и перед Вики возник статный кавалер в белой венецианской маске с ангельскими крылышками.

– Разрешите пригласить вас, ваше высочество.

И Вики разрешила. А потом, когда танец кончился и партнер встал перед ней на колени, она поблагодарила его, позволив поцеловать руку. Потом ее пригласил похожий на жабу дедушка, весь в зеленом, от туфель до парика. Старичок лихо отбрасывал коленца, и Вики мгновенно подстроилась под него. Потом его сменил новый кавалер. Вики танцевала, уже не удивляясь, насколько умело ее никогда не учившиеся хореографии ноги выписывают сложные фигуры мазурки, польки и вальса. Ее вели опытные кавалеры. Они прекрасно танцевали, причудливо выглядели, говорили изысканные комплименты, но душа Вики не летала с ними. Она просто танцевала и с каждым следующим партнером забывала прошлого, думая только об одном человеке на свете. Том самом, с розовыми глазами и острым языком, и во всем белом (цвет, который раньше не вызывал у Вики никакой симпатии). В отличие от остальных кавалеров, она не услышала от него никаких «ваше высочество» и прочих высокопарностей. Зато она летала с ним и была счастлива в этом полете, и... Что именно «и», как раз и силился понять кипящий разум Вики, когда перед ее глазами четко и ясно встал образ ее Стража и одного из двух лучших друзей (а других у нее, собственно, и не имелось). Цой, Олег Хван, собственной квадратной персоной, кружил ее в очередном вальсе, видимо, уже не первую минуту, и с мольбой во взгляде что-то говорил ей, но самое ужасное, что Вики в этот момент согласно кивала ему.

– Цой! Прости, я совсем закрутилась. В смысле, я сама не своя. Прости, друг. Ты что-то говорил, а я отвлеклась.

Отвлеклась настолько, что не помнила, как давно она с ним танцует, и вообще только что его идентифицировала. Такого конфуза Вики от себя не ожидала.

– Не извиняйся. Я понимаю. Ты нервничаешь. Коронация – большая ответственность. Наша жизнь сегодня изменится навсегда.

«А Цой отлично танцует. Вот уж ночь сюрпризов», – думала Вики, кивая партнеру и напрасно высматривая Анжело среди кружащихся рядом пар.

– Я тоже очень нервничаю, – продолжил удивлять Вики старый друг, – ты сегодня, когда станешь королевой, посвятишь нас с Ванькой в рыцари ордена. Я всю ночь учил клятву. Тебе будет легче, просто повторишь все за Ма-Машей, тьфу ты, залевой Главой. А я учил. «Клянусь служить добру и свету, клянусь беспрекословно выполнять приказы командиров и, если будет нужно, с честью умереть во славу ордена». Круто?

– Ага, – кивнула Вики, стреляя глазами по сторонам.

Сердечко девочки прыгало под платьем, ошеломленное нарождающимся чувством, куда более мощным, чем ее предыдущая «первая любовь», вялотекущая детская перманентная болезнь по имени Федди. Сердце стучало так громко, что заглушало дудку Вани. Видимо, Цой тоже услышал этот настойчивый стук и понял его по-своему.

– Я хочу сказать тебе кое-что до церемонии.

Вики кивнула.

– Просто хочу сказать, чтобы ты знала, и все.

Еще кивок...

– Мне от тебя ничего не надо. Просто хочу, чтобы ты знала, что я тебя люблю.

Вики снова кивнула – и очнулась.

– Что?! Цойчик? Цоюшка? Что ты такое говоришь? Я тоже тебя люблю, как друга. Мы же друзья, Цой? Друзья навсегда?

Музыка умолкла. Все остановились. Цой молчал.

– Цойчик, миленький, прости. Я совсем не хотела сделать тебе больно. Просто сейчас голова кругом идет от всего. Еще ты... Давай поговорим после церемонии? – тихо попросила Вики.

Цой вежливо, но очень резко склонил голову перед Вики и сказал так, чтобы никто, кроме нее, не слышал:

– Все понятно. Размечтался, дурачок. Я теперь тебе не ровня, королева. – А потом громко, чтобы слышали все: – Спасибо за танец, ваше высочество! – И снова тихо-тихо: – Лучше бы я умер тогда у Дома книги.

И ушел прочь с гордо поднятой головой, ее могучий, бесстрашный, верный Цой. Или теперь уже не ее? Вот дурак! Надо же было так испортить пятилетнюю дружбу. Ну все, хватит с меня танцев.

История 7, в которой тайное становится явным, чувства берут верх над разумом, предательство торжествует, а коронация Вики превращается в такой кошмар, что про него и рассказывать-то не хочется, но, к сожалению, придется

Пытаясь осознать, что с ней происходит, привести в порядок растерзанные чувства, Вики наугад выбиралась из толпы танцующих. Она всегда могла найти, что хотела, с закрытыми глазами. Все, да не все. Упрямец Анжело не находился. А вот родителей она нашла быстро. На высокой сцене, которая оказалась примерно посередине зала. Примерно, потому что конца-краю залу не было видно. Они стояли все вместе: Герман, Мария и Герт. Фил гордо восседал у папы Вики на плече. Стояли они вместе с двумя незнакомыми Вики забавными персонажами рядом с высоким черным тронем, словно вырезанным целиком из вулканического стекла. В сверхпрочном блестящем обсидиане нечеловеческими руками были выточены бесчисленные переплетающиеся змеи с сияющими изумрудами глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.